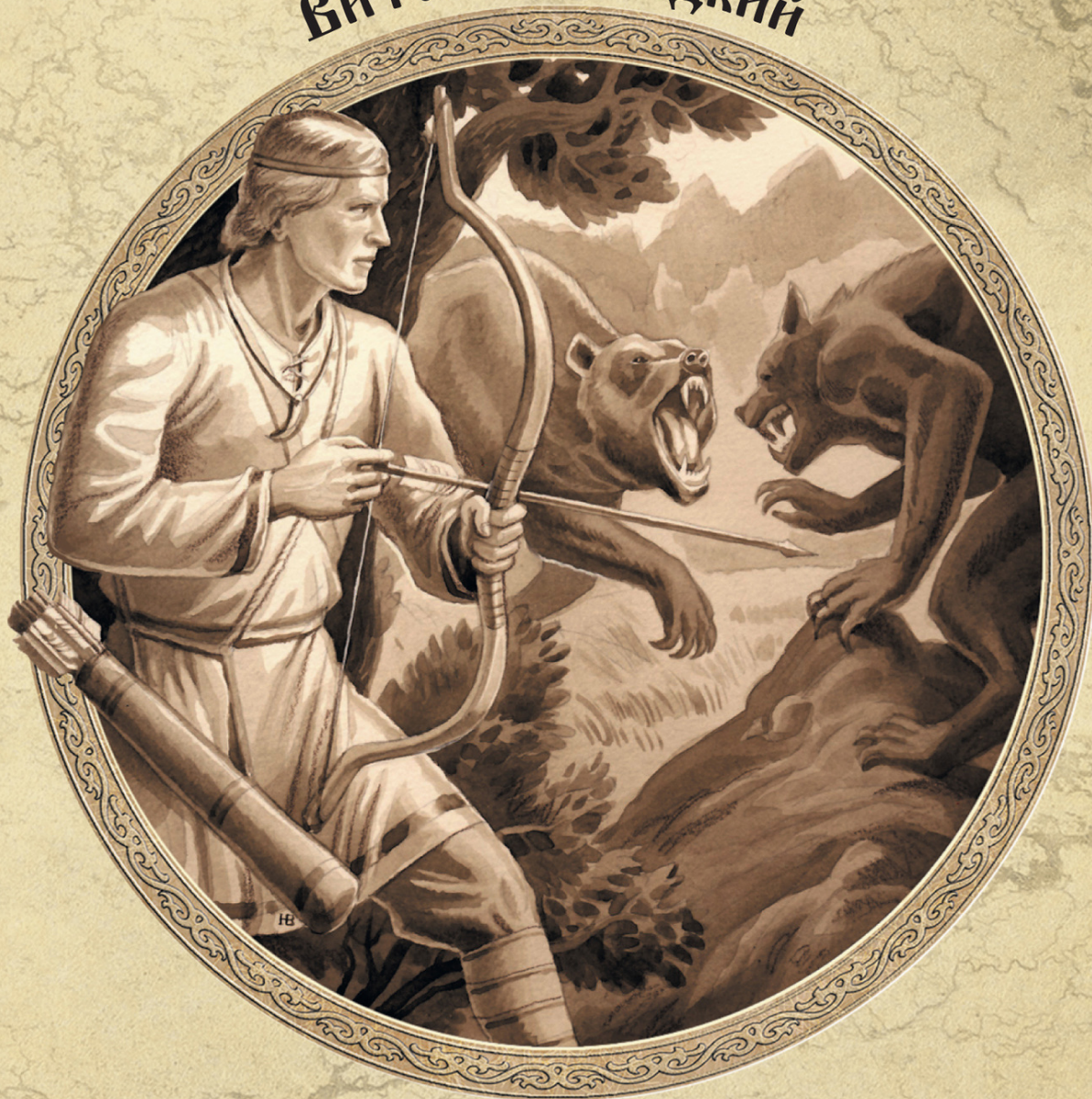

Ў истоков Руси

Виталий Гладкий

Рерик —
сокол русских

У истоков Руси

Виталий Гладкий

Рерик

«ВЕЧЕ»

2018

Гладкий В. Д.

Рерик / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ», 2018 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-7267-1

Мальчик-сирота, прозванный Соколом и воспитанный волхвом Чтибором, вырастает в бесстрашного и непобедимого, благодаря своим необычайным способностям, воина. Немало испытаний встретилось на пути Сокола-Рерика. Бесконечные столкновения русов с печенегами и другими воинственными племенами унесли жизни его близких и друзей, но не только горести выпадали на его долю. И, возможно, именно он стал основателем династии Рюриковичей, правившей Русью до конца XVI века: такова версия автора.

ISBN 978-5-4484-7267-1

© Гладкий В. Д., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Глава 1. Сокол	6
Глава 2. Праздник Купалы	14
Глава 3. Оборотень	20
Глава 4. У черных скал	27
Глава 5. Бойники	32
Глава 6. Полюдьё русов	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Гладкий Виталий Дмитриевич

Рерик – сокол русов

© Гладкий В.Д., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

* * *

*Краснолицыи русы сверкали,
Как магов сверкают огни...
Кто бесстрашен,
Коль с ним ратоборствует рус?*

*Низами Гянджеви (1141–1209).
Искандер-наме*

Глава 1. Сокол

Спокойные голубовато-серые воды реки сливались с бездонным небом; если долго и пристально всматриваться в это невероятное смешение двух стихий, – водной и воздушной – то возникало ощущение полной потерянности, оторванности от земных реалий. Противоположный берег терялся в колеблющейся дымке туманного утра, и казалось, находился не на земле, как должно, а в небесах.

Тело вдруг становилось невесомым, человек растворялся в разверзшейся перед ним бездне и поднимался ввысь в никогда прежде не испытываемой неге, теряя последние крохи благоразумия. Конечно же, это было не так, земля цепко держала человека в своих ласковых материнских объятьях, воспаряла лишь его мятущаяся душа, тем не менее возвращение к реалиям чаще всего было оглушительно-беспощадным. Какое-то время потрясенный человек не мог прийти в себя, а когда наконец затуманенный взор очарованного созерцателя прояснялся, в его душе возникало чувство отнюдь не облегчения, а огромного разочарования и даже страдания.

В этот момент в голове бедняги билась только одна мысль: «Ну почему, почему человек не имеет крыльев?!»

В разные времена и у разных народов река именовалась по-разному. Скифы называли ее Данапер, Данар, древние греки – Данаприс и Борисфен, гунны – Вар, тюрки – Узу-су, печенеги – Варух, византийцы – Элисс. Были и другие имена у могучей реки, но их стерли из человеческой памяти неумолимые века вместе с многочисленными племенами, населявшими ее берега. Осталось одно-единственное название – Днепр.

В это раннее летнее утро в роли мечтательного созерцателя вы увидели бы русоголового мальчика лет двенадцати. Он находился на правом – высоком – берегу реки, изрезанном многочисленными оврагами и ярами. Левый берег Днепра был низким и представлял собой террасы: ближе к воде они были заболоченными, поросшими камышом, а те, что располагались повыше, занимали скромные по размерам поля и огороды, а также беспорядочно разбросанные немногочисленные летние курени, представлявшие собой землянки и мазанки, сплетенные из хвороста.

В летний период, когда начинались сельскохозяйственные работы, в них ютились жители небольшого, но хорошо укрепленного поселения, расположенного на противоположном берегу. В нем тоже жили поляне, однако они были в основном земледельцами, в отличие от рода, к которому принадлежал мальчик.

Обычно мужчины его поселения занимались ловничеством и рыбалкой, а женщины и дети занимались собирательством, заготавливая на зиму ягоды, орехи, грибы, пряные травы и мед в сотах. Только у немногих были небольшие огородики, где они выращивали разные овощи.

Мальчик лежал на крутом склоне невысокого холма и, как замороженный, всматривался в горизонт, который растаял, растворился в небесных далях. Небольшая поляна, где он устроился, находилась на опушке леса. В это раннее утро лес притих, затаился, словно прислушиваясь к тихому плеску волн, которые накатывали на глиняные кручи далеко внизу.

Несмотря на расслабленность позы и мечтательное выражение на лице, все чувства мальчика продолжали служить ему как должно. В какой-то момент он вдруг насторожился, прислушался, а затем, заулыбавшись, издал странный звук, похожий на тихий рык какого-то зверя. В лесу раздался треск ломающегося сухостоя, звучное сопение, и на поляну вышел медведь-пестун¹, который уже начал входить в пору зрелости. Но мальчик совсем не выглядел испуганным. Наоборот – он весело рассмеялся и молвил, обращаясь к зверю:

¹ Пестун – медвежонок 2–3 лет, оставшийся при своей матери-медведице. С приближением зрелого возраста пестун поки-

– Опять у тебя, Одинец, не получилось заставить меня врасплох!

Медведь рыкнул, оскалился и бросился на мальчика. Казалось, его уже немаленькая, хорошо упитанная туша раздавит худенькое тело мальчика, но тот проворно откатился в сторону, извернулся, уцепился за шерсть пестуна и мигом взлетел ему на спину, будто медведь был лошастью.

– Агей! – вскричал мальчик и ударил пятками пестуну под бока. – Скачи, мой конь ретивый!

Но в намерения медведя совсем не входило оказаться в качестве лошади, и он попытался сбросить юного наездника. Но не тут-то было. Мальчик был проворен и цепок, словно клещ. В какой-то момент медведь потерял равновесие, и они покатались вниз по склону холма. Мохнатый клубок остановила только толстая сосна, которая росла на краю обрыва. Мальчик так и остался лежать, заливаясь от хохота, а медведь поднялся и начал с нежностью вылизывать ему лицо.

От наигранной ярости не осталось и следа. Чудилось, что еще немного, и на морде пестуна появится почти человеческая улыбка. Он тихо урчал, и мальчик, перестав смеяться, тоже издал несколько звуков, похожих на рычание. Но прозвучали они нежно, ласково.

– Ну, будет тебе, будет! – наконец решительно сказал мальчик, проворно вскакивая на ноги. – Подлиза! Это же надо, какой хитрец! Откуда ты узнал, что сегодня моя очередь проверять борти²?

Медведь при слове «борти» сильно оживился и начал умильно качать своей лобастой башкой, будто и впрямь понимал человеческую речь.

– Ладно, сластена, полезли на верхотуру. Выделю тебе немного свежего медку. Лишь бы дедко не узнал – заругает. Он строго-настрого приказал больше тебя не кормить. Зверь должен сам себе добывать еду. Ты уже вон какой вымахал. Пора и честь знать. – Мальчик с опаской подошел к краю обрыва и глянул вниз. – Ой-ей... Вишь-ко, куда нас занесло. Упадешь в этот яр – костей не соберешь. Глубокий...

Они поднялись на вершину холма, мальчик проворно забрался на дерево, а когда спустился к медведю, ожидавшему его с огромным нетерпением, в его руках уже была большая кожаная сумка, источавшая приятный медовый запах. Его давно уже почуяли пчелы и осы, образовав возле сумки целый рой, и мальчик поторопился отмахнуться от них веткой.

– Лопай! – сказал мальчик, отломив добрый кусок сот. – И смотри не проболтайся деду! А то он насквозь тебя видит. Сегодня держись от него подальше. Понял?

Но медведю уже было не до мальчика. Он улегся и, положив соты перед собой, начал не спеша наслаждаться столь желанным лакомством. Мальчик улыбнулся, хотя его улыбка вышла несколько печальной. Он знал, что пройдет немного времени и Одинец уйдет в леса в поисках подруги. Уйдет и больше не вернется. Об этом позаботятся волхвы.

Даже хорошо обученный взрослый медведь всегда представлял собой в поселении большую опасность своей непредсказуемостью. Разве детям малым втолкуешь, что забавный пушистый комок, с которым они еще вчера затевали веселые игры, может в одночасье превратиться в кровожадного убийцу? Взрослого медведя могла разъярить любая малость – неожиданный жест, неосторожное резкое слово, тем более детская непосредственность, которая предполагала бесцеремонность в обращении со зверем. А уж этого взрослый медведь терпеть не мог. Конечно, волхвы, в том числе и дед мальчика, Чтибор, могли совладать с любым зверем, тем более с тем, который рос и воспитывался в поселении. Но ведь к каждому ребенку не приставишь зрелого мужа, чтобы тот постоянно держал его под надзором. У племени полян, к которому принадлежал мальчик, это было не принято.

дал медведицу.

² Борть – улей в дупле или выдолбленном чурбане.

Поляне с малых лет учились жить в единении с окружающей их природой. Дети могли днями бродить по лесу, и никого из родителей это не беспокоило. Они были уверены, что с детьми ничего дурного не случится, потому что их охраняли многочисленные лесные духи. И впрямь, трагические случаи с детьми были чрезвычайно редкими. Каждый ребенок умел постоять за себя при встрече с обитателями лесных чащоб. В крайнем случае можно было забраться на высокое дерево и пересидеть там опасность. А уж лазали юные поляне по деревьям не хуже белок.

Одинец оказался в поселении случайно. Собственно говоря, и другие медведи попадали к полянам точно так, как Одинец – их находили в лесу. Медвежата нередко оставались без матери по какой-либо причине, – она могла погибнуть, напав на крупного лося или тура, ее мог убить какой-нибудь злобный медведь-шатун или ловники³ – и тогда их участь была незавидной.

Дело в том, что главным божеством рода был Медведь – воплощение бога Велеса⁴. Поляне считали его своим предком. Поэтому и отношение к этому зверю было соответствующим. Ловчие племена просто не могли оставить в лесу брошенных медвежат, тем самым обрекая их на верную смерть. Обычно их держали в поселении до трех лет, а затем волхвы с помощью молитв и заговоров отваживали пестунов от людей, и повзрослевшие медведи уходили в лес, чтобы образовать семьи.

Одинец оказался медведем необычным. Чаще всего ловники приносили из лесу двух-трех крохотных медвежат, а этот был один-одинешенек (за что и получил свою кличку), к тому же гораздо крупнее своих погодков. Когда Одинец подрос, то оказалось, что и цвет его шерсти сильно отличается от окраса других медведей, которые были бурыми или черными. Великолепный густой мех Оди́нца на солнце сиял золотом. Только вокруг глаз у него были более темные круги, да по спине шла неширокая бурая полоса.

Многие в поселении завидовали Чтибору, так как со временем все поверили, что Одинец – это живое воплощение Велеса. Он был очень крупным, несмотря на возраст, а его клыки могли устроить кому угодно. Дошло до того, что волхвы устроили возле дома Чтибора жертвенник, и он редко когда пустовал. Люди несли к нему разные лакомства, и Одинец, конечно же, был весьма благодарен за вкусное угощение.

Но годы шли, законы рода были неумолимы, и Одинец вскоре должен был отправиться на поиски подруги. Некоторые волхвы противились этому, они хотели оставить Оди́нца в поселении, соорудив ему достойное божества жилище, но Чтибор был непреклонен – старину нужно чтить. Тем более нельзя держать взаперти самого Велеса, воплощенного в Оди́нце. Зверю, как и человеку, нужна свобода. Тем более такому необычному зверю.

Зная, чем закончится его дружба с Оди́нцем, мальчик (его звали Сокол) сильно печалился. Медведь и юный полянин настолько научились понимать друг друга, что со стороны могло показаться, будто они могут беседовать между собой. Конечно, в поселении Сокол старался не показывать, что может общаться с медведем; ему совсем не хотелось стать волхвом и выполнять многочисленные обряды, занимавшие чересчур много времени.

Если узнают, что он в какой-то мере понимает медвежий «язык», его точно отдали бы в обучение к волхвам. Чем это может для него обернуться, Сокол уже знал на примере одного из своих друзей, который решил стать волхвом. Вернее, так за него решили старейшины рода. Бедолага с утра до ночи заучивал наизусть различные заговоры и заклинания, участвовал

³ Ловник – человек, промышлявший охотой. В ходе истории слова «лов», «ловник» заменились словами «охота», «охотник». Появление слов «охота», «охотник», «охотиться» датируется XVI–XVII вв.

⁴ Велес – один из главных языческих богов. Его главным деянием стало то, что он привел сотворенный Родом и Сварогом мир в движение. Его считали главой лесов и дарителем богатства. Согласно мифологии, когда человек умирал, то попадал в Навь – мир мертвых. И именно Велес в этом загробном мире приветствовал души усопших. Он разрешал споры и конфликты, следил за честным исполнением законов, покровительствовал воинам.

в частых жертвоприношениях божествам, коих насчитывалось огромное количество, исполнял самые грязные работы, спал урывками и почти никогда не имел свободного времени.

Обучал Сокола звериным «языкам» дедко Чтибор. Они не были родственниками. Просто Чтибор взял мальчика, который остался сиротой, на воспитание. Сокол был в семье первенцем, а второго ребенка мать так и не родила. Не успела. Когда родители Сокола возвращались с большого днепровского Торга, налетела шайка речных разбойников и их, скорее всего, пленили.

О дальнейшей судьбе матери и отца можно было только догадываться. Ватаги разбойного люда, состоявшие из тех, кого изгоняли за какие-либо провинности племени, населявшие берега Днепра, едва с реки сходил лед, спускали на воду лодки-долбенки и начинали промышленять разбоем, грабя небольшие прибрежные поселения. Взять у небогатых поселян было практически нечего, зато они сами представляли собой немалую ценность.

Чаще всего пленников продавали хазарам, которые славились торговлей живым товаром. Каждый год хазары совершали походы для поиска рабов и последующей их продажи в страны Востока. Отловом живого товара в первую очередь занимались хазарские печенеги. Это было угорское племя, находившееся на положении прислуги у своих господ-хазар. Они же составляли и костяк почти любой шайки речных разбойников.

Дедко Чтибор был весьма известным и уважаемым кобником⁵. Уж о птицах ему было известно все! Или почти все. Знал он и «звериные» языки. Сокол поражался его умению приваживать дичь. Для этого у старого кобника было много разных манков, но он мог обходиться и без них. Когда Сокол подрос, он тоже начал кое-что смыслить в звериной «речи»; конечно же, благодаря деду. А уж медвежий «язык» мальчик усвоил отменно. Да иногда он и не был нужен; ему достаточно было одного взгляда на Одица, дабы понять, что у пестуна на уме.

Сокол не стал ждать, пока Одинец управится с желанным угощением. Взяв сумку, он вошел в лес, отыскал едва приметную в чащобе звериную тропу и споро начал пробираться по ней к поселению. Именно пробираться, потому как тропа нередко упиралась в бурелом, и тогда приходилось уподобляться белке – прыгать с одной поваленной лесины на другую. Из оружия у мальчика был только нож в простых кожаных ножнах и небольшой тугой лук, который висел сзади, перекинутый через плечо. Стрелы к нему он завернул в кусок холстины и приторочил к поясу с левой стороны – чтобы удобно было достать их в нужный момент.

Вообще-то, поляне не были воинственным народом, но постоять за себя могли. Правда, очень дорогие мечи и защитное снаряжение имели только немногочисленные закаленные в постоянных сражениях вои⁶ и дружина кнеза⁷, составлявшие костяк защитников поселения, а остальные мужчины, в основном добытчики-звероловы, довольствовались копьями, топорами, рогатинами и луками.

Сокол был еще слишком мал, чтобы орудовать боевым топором или держать в руках тяжелое копье, но с луком управлялся отменно. Он и имя-то свое получил совсем не случайно. Повитуха, принимавшая у матери мальчика роды, едва тот оказался в ее руках, сказала удивленно: «Диво дивное, люди добрые! У него взгляд чистый, осмысленный и вострый – как у сокола! Первый раз такое вижу...» С того момента вопрос с именем новорожденного был решен сразу и бесповоротно. Но никто не знал, что имя новорожденному дал сам Чтибор. Благодаря своему колдовскому дару он сумел внушить повитухе свое пожелание.

Конечно же, этому предшествовало гадание, и то, что старый кобник узнал во время магического ритуала, повергло его в священный трепет. Главное заключалось в том, что Сокол

⁵ Кобник – жрец-гадальщик. Кобь – гадание о судьбе. Кобник во время гадания часто использовал наблюдение за полетом птиц.

⁶ Вои – представители воинского класса. Сочетание «дружина и вои» означает, что дружина князя была частью воев.

⁷ Кнез – так древние славяне называли князя.

не просто птица, а воплощение бога Ярилы. Правители полян в древности считали себя живым воплощением сына Ярилы и Лады, которого звали Ладон. Поэтому Сокол был не столько собственным именем и даже не родовым прозвищем, сколько титулом, право на которые имели только потомки Ярилы и Лады.

Отец и мать мальчика были пришлыми, из племени ободритов⁸. История их появления в поселении полян давно забылась, хотя в свое время она долго служила темой для пересудов. Отец был сильным, смелым воином и очень добрым человеком, поэтому быстро прижился среди полян.

Конечно, столь звучное и многозначное имя, которое получил мальчик, поначалу вызвало некоторое недовольство главного волхва, но он, похоже, плохо знал предания старины и под нажимом Чтибора в конце концов смирился. Тем более что повитухой была одна из самых уважаемых ведуний, и ее слово многое значило.

Сокол сильно отличался от погодков. Он очень рано научился ходить и говорить, у него раньше всех прорезались молочные зубы, а уж зрение у мальчика было просто потрясающим. Когда дедко начал учить его стрельбе с лука, Сокол удивил даже старого, выдавшего виды кобника. Буквально с первых уроков внук начал попадать точно в цель.

Однажды старый Чтибор не выдержал и спросил Сокола, как это у него так ловко получается, на что тот небрежно ответил – словно отмахнулся: «А, не знаю... Я просто смотрю на то место, куда должна ударить стрела, и отпускаю тетиву». Сказать, что дедко был поражен его ответом – это значит, ничего не сказать. Старик в изумлении покачал головой и с той поры начал брать мальчика на ловы, хотя по своему статусу кобника он мог бы и не бродить по лесам; ему вполне хватало того, что ему от своих щедрот давали соплеменники за предсказания. А гадальщиком он был просто отменным, и редко какой день обходился без страждущего прознать свою судьбу. В основном это были женщины, чаще всего преклонного возраста. Старый кобник лишь втихомолку посмеивался в свою длинную седую бороду, когда очередная бабка вопрошала его, как сложится ее дальнейшая жизнь.

Чего уж проще – сиди спокойно на лавке и жди, когда тебя позовут в Навь⁹. А это случится обязательно, рано или поздно. Так зачем волноваться? Не стоит напрягать кобника, чтобы тот часами наблюдал за полетом ласточек, дабы вынести свой вердикт, – не переживай, старушка, еще немного поживешь. А сколько именно и какая кончина тебя ожидает, про то знают лишь боги. Правда, именно пожилые женщины были с гадальщиком наиболее щедры, что примиряло его с необходимостью напрягаться и гадать с полной отдачей сил и возможностей; к своему жреческому призванию Чтибор относился со всей серьезностью.

Сокол показал себя на ловах с наилучшей стороны. Его стрелы не знали промаха. Однажды он поразил даже лося! Чем привел в восхищение старейшин рода.

Конечно, выследить и подманить столь крупного зверя для Чтибора не представляло особой сложности. А вот убить его с одного выстрела мог не каждый опытный ловник. А тут – малец, который с трудом натягивал тетиву боевого печенежского лука! Его подарил Соколу все тот же старый кобник, когда понял, что детский лук для мальчика уже не оружие, а забава.

Кибить – древко лука – было сделано из крепчайшего можжевельника, рога оклеены берестой, а по спинке проложено упругое сухожилие. В отличие от длинных славянских луков, печенежский был легким и сравнительно небольшим, чтобы с ним свободно мог управиться

⁸ Ободриты – средневековый союз славянских племен, относящихся к полабским славянам (бодричи, глиняне, древане, полабы, смолинцы, вагры, варны, бутинцы). В VII–XII вв. союз ободритов представлял собой федерацию, возглавлявшуюся племенем ререгов, столица которых г. Велиград имела окружность около 20 верст и поэтому была защищена не стеной, а тремя замками. В федерацию также входили племена вагров (столица Старгард), полабов (столица Ратибор), глинян, смолинцев, варнов, древан и др.

⁹ Навь – у славян мир мертвых, загробный мир, куда уходят умершие люди и где живут их предки. А еще Навью называли Мир Теней или Кошный Мир.

наездник. Он превосходно подходил и тем, кто занимался ловами в лесных зарослях. Проби-
раться через чащобу с длинным луком – еще та задачка.

Сокол научился делать и стрелы. Они были разными: камышовыми, березовыми, из дре-
всины дикой яблоньки... Вот только тул – колчан – мальчик пока не осилил. Дедко не разре-
шал. Чтибор почему-то непременно хотел, чтобы колчан у внука был сафьяновый, украшен-
ный заговоренным шитьем, да вот беда – это было очень дорогое удовольствие. Но старый
кобник усиленно копил серебро, чтобы сделать внуку столь желанный подарок. Время от вре-
мени в поселении появлялись купцы с низовий Днепра, у которых можно было купить или выме-
нять все, что душе угодно.

Однако этот процесс сильно затянулся по времени, ведь самыми состоятельными людьми
рода были воины-дружинники и старейшины. Кобнику попадали лишь крохи от большого
пирога; хвала богам, хоть на еду хватало. Это было особенно важно в зимнее время, когда сто-
яли сильные морозы или бушевала выюга. В такие дни нельзя ходить на ловы, даже проверять
силки на зайцев, поэтому старый Чтибор с нетерпением ждал, когда загудит деревянное било,
подвешенное неподалеку от входа в его скромное жилище. Никто не мог входить в хижину
гадальщика без предупреждения; вдруг кобник разговаривает в это время с богами?

Жилище Чтибора, несмотря на его довольно высокий статус, мало чем отличалось от
хижин многих других жителей поселения. Это была обычная полуземлянка, правда, доста-
точно просторная, потому что в ней старый кобник хранил различные магические атрибуты,
необходимые для гадания. Кроме того, он еще был и знахарем, поэтому все стены землянки
и потолок были увешаны сухими травами и кореньями, обладающими целебной силой, а по
углам стояли корзины, в которых хранились мешочки с готовыми снадобьями от разных болез-
ней – чтобы не отсырели.

Сокол имел возможность лично поучаствовать в строительстве жилища деда. Сооружали
полуземлянку всем миром. Начали с того, что вырыли большую квадратную яму глубиной в его
рост, а затем вдоль ее стенок соорудили сруб из толстых плах, укрепленных врытыми в землю
столбами. Сруб возвышался из земли примерно на два локтя¹⁰, а общая высота жилища равня-
лась чуть больше пяти локтей. С южной стороны в срубе был устроен вход с деревянными сту-
пенями, который вел внутрь жилища. Крышу сделали двухскатной, плотно покрыли досками,
сверху положили слой соломы, а затем насыпали толстый пласт земли.

Стены, возвышавшиеся над землей, присыпали вынутым из ямы грунтом, так что сна-
ружи жилище напоминало невысокий, поросший травой холм. Земляная засыпка помогала
удерживать в полуземлянке тепло, не пропускала воду и предохраняла от пожаров. Пол в полу-
землянке сделали из хорошо утрамбованной глины. Он всегда был застелен: зимой – соломой
или сеном, летом – душистыми травами.

Печь соорудили в дальнем от входа углу. Она была добротной – каменной. Сверху печи по
желанию Чтибора мастера устроили глиняную жаровню, похожую на громадную сковородку.
На жаровне старый кобник стряпал еду, – какую-нибудь похлебку или жаркое – но обычно там
готовились различные целебные настои. Вдоль стен жилища плотники сколотили две дощатые
лежанки, остальное место занимали лавки, прикрытые звериными шкурами, – для гостей.

Жилище получилось во всех отношениях превосходным. Но много неудобств доставляла
сажа, сначала оседавшая на стенах и потолке, а затем падавшая оттуда большими хлопьями.
Пришлось над лежанками и лавками устроить широкие полки. На них-то и сыпалась сажа,
которую обычно убирал Сокол.

¹⁰ Локоть – единица измерения длины, не имеющая определенного значения и примерно соответствующая расстоянию от
локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца руки. Как мера локоть известен у многих народов мира. Здесь указан
локоть древнерусский = 47 см.

Но сажа – это еще полбеды. А вот дым был настоящей бедой. Приходилось терпеть эту напасть, иначе в холодные зимние ночи нельзя было согреться даже под одеялом из барсучьих шкур.

Полуземлянку Чтибор построил не от хорошей жизни. При живых родителях Сокола у них была новая красивая изба; в таких жили только волхвы и старейшины, к которым принадлежал и старый кобник. Ее сделали очень высокой – около восьми локтей от пола до крыши. Дым в ней поднимался под самый потолок, а внизу воздух оставался мало задымленным. Главным было хорошо протопить жилище к ночи. Толстая земляная засыпка не давала теплу уйти через крышу, а верхняя часть сруба хорошо прогревалась за день. Поэтому просторные полаты для всей семьи были устроены высоко. Днем, когда топились печь, дым клубился под потолком, поэтому на полатах никого не было; жизнь шла внизу, куда постоянно поступал свежий воздух с улицы. А вечером, когда дым выходил, полаты оказывались самым теплым и удобным местом.

Жилище это пришлось оставить, о чем Сокол жалел не раз. Чтибор почему-то решил, что в нем поселилась Навь. А значит, живым там не место. Он вообще хотел сжечь избу, но глава рода запретил. Теперь в родительской избе находилась большая семья беженцев-полян. Их небольшой выселок на противоположном берегу Днепра разорили какие-то пришлые люди, а сами они спаслись чудом. Если таковым можно считать лодку, на которой они переплыли реку, – глава семьи был потомственным рыбаком.

Селение полян на высоком берегу Днепра было неплохо укреплено. Со стороны, обращенной к реке, его защищали высокие обрывы, а слева проходил глубокий овраг; преодолеть его обрывистые склоны было весьма сложно. А ведь еще имелась прочная ограда из вкопанных вертикально в землю толстых высоких лесин, заостренных при вершине. С внутренней стороны к ограде были приспособлены мостки, на которых во время осады неприятелем находились дружинники.

Собственно говоря, на памяти Сокола его соплеменникам пришлось отбивать внезапное нападение врага только раз. Но тогда он был слишком мал, дабы запомнить хоть что-то.

Несколько позже дедко рассказал, что на поселение напало племя Он-Огур¹¹, которое появилось в низовьях Днепра совсем недавно. Разбойничьи шайки этого племени рыскали по реке в надежде поживиться хоть чем-то. Люди Он-Огур были бедны, но очень воинственны, и с ними приходилось ухо держать востро.

Сокол миновал крепкие дубовые ворота, которые охранял (если так можно сказать) самый никчемный мужчина в поселении – старый Чурило. Временами казалось, что он спал на ходу. Когда-то Чурило был добрым воином, но про таких обычно говорят, что лень родилась впереди него. Он был ленив до безобразия. Вот и сейчас дневной страж ворот дремал, прислонившись к одной из створок (ночью ворота и стены поселения охраняли дружинники). Сокол затаил дыхание и попытался проскользнуть мимо него незамеченным.

Но не тут-то было. Чурило при всем том нес свою службу вполне исправно. Приоткрыв один глаз, он заметил сумку на плече мальчика, возле которой кружили пчелы, хихикнул и спросил елейным голоском:

– Не угостишь ли старика медком, хлопчик?

Отказать Чуриле было трудно. И опасно. Иногда Сокол выходил за ворота раньше положенного времени, всучив Чуриле что-нибудь вкусное – сладкий хлебец или кусок холодного вареного мяса.

Мальчик очень любил встречать восход солнца на своей любимой горюшке, откуда открывался потрясающе красивый вид на реку, которая по мере появления из-за горизонта солнеч-

¹¹ Он-Огур – мадьяры. В переводе – Десять стрел. В V в. они перешли Волгу и обосновались в степной зоне к северу от Кавказа. Название «венгр», которое мадьяры не относят к себе, происходит от славянизированной версии этого слова. В этом регионе мадьяры проживали почти 400 лет. Около 830 г. мадьяры двинулись на запад и в 896 г. под предводительством князя Арпада заняли местность, где сейчас находится Венгрия.

ного диска становилась сначала багровой, а затем золотой. Так что ссориться с Чурилой – себе дороже.

Тяжко вздохнув, Сокол полез в сумку, отломил кусок сот и протянул его стражу ворот. Тот схватил соты неожиданно быстрым движением и, блаженно улыбаясь, засунул их в рот. И снова закрыл глаза.

«Старый трухлявый пень!» – с раздражением подумал мальчик и едва не бегом направился к жилищу Чтибора. Дедко уже стряпал обед – на сковороде скворчали два больших линя, испуская чрезвычайно аппетитный запах. У изрядно проголодавшегося Сокола даже слюнки потекли.

– Хлебушка бы... – сказал мальчик, принимаясь за еду, и безнадежно завздыхал.

Он знал, что со вчерашнего дня в доме нельзя было найти ни единой хлебной крошки, не говоря уже о сухарях. Двое суток Чтибор колдовал над каким-то настоем, который постоянно нужно было подогревать. Поэтому жаровня была занята, и они остались даже без просяных лепешек.

Старик хитро улыбнулся, снял с полки сверток, который источал невыразимо приятный хлебный запах. Оказалось, что в куске полотна была завернута свежая ржаная коврига.

– Откуда?! – удивленно спросил Сокол.

– Когда человек знает какое-нибудь ремесло, от голода он никогда не умрет, – назидательно сказал старик. – Пришлось мне с утра заняться гаданием. Сразу после твоего ухода. А куда денешься – приходила Матилада.

– О-о! – Сокол округлил глаза.

Это была самая скверная баба во всем поселении. Ее вострого языка побаивался даже сам кнез. С утра до вечера она носилась по селению, разнося разные сплетни. Переговорить ее не мог никто. Но самым скверным было то, что она постоянно досаждала Чтибору просьбами погадать: то на ее «горемычную» судьбу, то на близких или дальних родственников, а иногда ее запросы простирались и вовсе далеко – Матилада желала знать, скоро ли будет большая война и когда появятся в селении сборщики дани хазарского кагана¹².

Это было неприятное событие, которое вызывало недовольство полян. В качестве дани хазары предпочитали «скору» – особо ценные меха, мед и воск. Все это с удовольствием покупали пришлые купцы на Торге, платили за «скору» серебром или щедро давали взамен разные товары, которые были отнюдь не лишними в хозяйстве полян. Но «скора» уплывала из их рук задарма. Сбор дани обычно приходился на зимний период и продолжался до весеннего вскрытия рек.

Тем не менее Матилада всегда исправно платила, а уж хлеб у нее получался удивительно вкусным. Отломив кусок, Сокол принялся уплетать за обе щеки мясо жирного линя, которого сам же и поймал вчерашним вечером. Рыбы в Днепре было не просто много, а очень много. До того места, где находилось поселение, доходили даже огромные белуги и осетры, не говоря уже о стерляди, голавлях, щуках, лещах и прочей мелюзге. А какие сомы таились в глубоких яминах! Одного сома хватало, чтобы накормить всех жителей селения.

Поев, Сокол занялся важным делом – стал плести новую сеть. Вечером он собирался отправиться на рыбалку вместе со своим закадычным дружкой Баженом. В Днепре ловить рыбу без сопровождения взрослых они опасались, зато в мелководном затоне было самое то. Без хорошего улова друзья обычно домой не возвращались.

¹² Каган – высший титул суверена в средневековой кочевой иерархии. Хан ханов. В монгольское время слился с родственной формой каан – «великий хан». В Европе с эпохи Великого переселения народов существовало три каганата: Аварский, Тюркский и Хазарский. Каганами иногда называли киевских князей Владимира и Ярослава Мудрого.

Глава 2. Праздник Купалы

В это утро Соколу хотелось поспать подольше, да разве непоседа Бажен позволит? Тот заскочил в жилище друга и начал теребить его за сорочку.

– Вставай, лежебока! – Бажен был сильно возбужден.

А как не быть возбужденным, если на дворе началась четвертая неделя месяца червня, когда происходит летний солнцеворот и все добрые люди отмечают праздник бога Купалы! Тем не менее Сокол недовольтно отбрыкнулся от друга – вот настырный! – и пробурчал, как старый дед, не открывая все еще сонных глаз.

– Отстань! Не то по уху съезжу.

– И получишь сдачи! Может, хоть тогда проснешься.

Конечно же, сон пропал мигом. Впрочем, Сокол и так хорошо выспался, так как лег рано. Ведь впереди его ждала купальская ночь с плясками, хороводами и другими забавами, когда нельзя было спать, так как именно в это время вся нечисть – лешие, русалки, оборотни, кики-моры, домовые, водяные – выходила из своих потаенных мест. Особенно опасными становились ведьмы, которые могли и молоко у коровы украсть, и порчу навести на людей, и урожай на полях испортить. Только купальские костры в эту ночь могли охранить людей от всяких нападений.

Сокол зацепил Бажена ногой и повалил на свою постель, где они устроили настоящее сражение. Спустя какое-то время, запыхавшиеся, но веселые и довольные, они уже подъедали запасы старого кобника, предусмотрительно заготовленные с вечера для внука.

В честь большого праздника Чтибор расщедрился и выделил Соколу вяленую лосятину, которую он готовил по-особому, – с разными пахучими травками и ароматной солью; ее изредка привозили купцы с низовья Днепра. Длинные полоски вяленого лосиного мяса были толще обычного и долго не высыхали до каменной твердости. Их можно было есть без опасения сломать зубы.

Чтибор ушел ранним утром в лес. Для него праздник Купалы сулил не отдых и веселье, а много разных забот. Дедко отправился на поиски целебных растений, так как лишь собранные до рассвета в праздник Купалы травы и цветы имели большую магическую силу. Он клал их под купальскую росу, а затем высушивал и бережно хранил до особых случаев.

Собранные лекарственные растения Чтибор использовал для окуливания своего жилища и больных людей, которые приходили к нему не только погадать, но нередко и за помощью. Купальские травы и цветы помогали бороться с нечистой силой, их бросали в затопленную печь во время грозы, чтобы охранить дом от удара молнии, а колдуньи применяли их для приворота или для того, чтобы разбить пару. Кроме того, купальские цветочные и растительные сборы использовались в различных магических обрядах, которые для Сокола оставались большой тайной. Дедко не позволял ему даже приблизиться к древней магии. В этом он был категоричен.

«У тебя другой путь, – строго говорил старик. – Нечего тебе лезть не в свои (тем более – опасные) дела».

«Откуда знаешь?» – вопрошал Сокол.

«Сорока на хвосте принесла!» – сердился дедко, который не хотел вдаваться в подробности.

Но внук был настырным, и старому кобнику пришлось поведать ему кое-что.

«Я спрашивал у Макоши¹³, какую путеводную нить она сплела для тебя, – мрачно молвил старик. – Придет время, и ты покинешь родное селение. Вот что она ответила. По добру ли аль по худу – неизвестно. Макошь не шибко разговорчива».

¹³ Макошь, Мокошь – богиня в славянской мифологии, единственное женское божество, идол которого стоял в воздвиг-

«И когда наступит это время?» – не отставал чрезмерно любопытный мальчик.

«И мне бы хотелось это знать...» – буркнул старик и отправился по своим делам, оставив Сокола в глубокой задумчивости.

Ответ Чтибора затронул в душе мальчика потаенную струну, которая неожиданно зазвучала громко, как било. Мысль повидать свет зародилась у него давно; может, потому, что отец немало попутешествовал, охраняя купеческие караваны, и много чего рассказывал матери. А рядом всегда вертелся Сокол, который жадно ловил все то, о чем говорил отец.

Подвластные хазарам поляне обязаны были пускать в свои владения чужеземных купцов, приходивших из Хазарии. Но и они имели возможность ездить со своей лесной добычей и прочими товарами в хазарские города. Главными торговыми местами были Булгары, расположенные неподалеку от слияния Итиля¹⁴ с Камой, а также хазарская крепость Саркел между Итилем и Доном, и столица хазар Итиль, где шла оживленная меновая торговля.

По Хвалынскому морю¹⁵ арабские купцы приходили на своих кораблях в Итиль. Отсюда вверх по Итилю плыли они в страну булгар. Здесь в Великом Городе находился большой Торг. Сюда приходили со своими товарами славяне и воинственные русы, а с Варяжского моря¹⁶ на своих хищных и быстрых кораблях-драккарах добирались до Торга северные купцы-урмане¹⁷, которые разбойничали по дороге.

В страну булгар, в Великий Город, поляне шли по Днепру, Десне и Сейму, затем перетаскивали суда в Угру, приток Оки, и Окой попадали в Итиль. Варяги шли из Финского залива в Неву, потом Ладогой и Свирью плыли в Онежское озеро, а оттуда реками Вытегрой и Ковжей попадали в Белоозеро, и Шексней направлялись в Итиль.

Поляне не только торговали с пришлыми иноземцами, но и сами ездили в отдаленные страны. Они возили свои товары к Черному морю, в греческие города, где греки брали с их товаров десятину. Кроме того, купцы полян ходили на лодках по Итилю, спускались до хазарской столицы (владельцу которой тоже приходилось выплачивать десятину), затем плыли в Хвалынское море, проникая на его юго-восточные берега, а иногда даже привозили свои товары на верблюдах в столицу арабского царства – Багдад.

Особенно удачно торговали русы. Они отправляли свои купеческие караваны в сопровождении сильной охраны, и редко кто отваживался напасть на них. Поэтому и поляне пользовались услугами русов, так как были преимущественно мирными людьми, в отличие от своих воинственных соседей.

Русы вели торговлю с хазарами и Румом – Византией – постоянно. В страну булгар купцы русов приходили на лодках целыми дружинами; здесь они строили свои балаганы и раскладывали там товары, ожидая покупателей. В числе их товаров главное место занимали меха, которые ценились очень дорого у арабов и считались царским украшением.

Торг арабов со славянами шел на меха; со стороны славян они шли вместо монет. Обычно две куньи шкурки равнялись двум с половиной арабским диргемам¹⁸. Особенно ценили арабы

нотом князем Владимиром киевском капище наравне с идолами других богов. Ее образ связывают с прядением и ткачеством, а также с судьбой и ремеслами. Связь Макоши с прядением предполагает параллель с греческими мойрами, скандинавскими норнами и славянскими рожаницами, прядущими нити жизни.

¹⁴ Итиль – тюркское название реки Волги.

¹⁵ Хвалынское море – древнерусское название Каспийского моря. Происходило от названия жителей Хорезма, торговавших на Каспии, – хвалисы. Другие названия: море Табасаранское, Хазарское, Абескунское, Сарайское, Дербентское, Сихай и пр.

¹⁶ Варяжское море – Балтийское море.

¹⁷ Урмане (*древнерус.*) – первоначальное название обитателей Скандинавии, особенно Норвегии, затем название морских разбойников, опустошавших в IX–XI вв. береговые страны Европы; известны также под именем «викинги» (воины).

¹⁸ Диргем, дирхем – арабская серебряная монета, введена в конце VII в. до н. э. (ок. 692–696 гг.) с начальным весом в 3,9 г и стоимостью 1/10 динара. Согласно канонам мусульманской религии на монетах нет изображений. Первоначально надписи на монетах содержали изречения из Корана, год (по мусульманскому летосчислению) и место выпуска монеты, позже – имена правителей. Эти монеты называли куфическими (куфи – особое письмо, возникшее в иранских городах ал-Куфе и ал-Басре

мех черно-бурых лисиц. Кроме того, славяне продавали кожи, мед, смолу, а русы еще и плоды своих воинских удач – «челядь», то есть рабов.

Славянские купцы покупали у греков шелковые ткани, золото, кружева, всякие лакомства, вина, мыло, губки; у хазар и арабов они приобретали бисер, драгоценные камни, сафьян, сабли, ковры, пряности. С Варяжского моря урмане привозили на Торг янтарь, бронзовые и железные изделия, олово, свинец, а также особенно славившееся северное оружие – мечи и топоры.

Подкрепившись, друзья отправились на поиски острых ощущений. А их в праздник Купалы было предостаточно.

День выдался – загляденье. На небе ни единой тучки, солнце светило ярко, но жары, обычной в это время года, не было, к тому же дул легкий прохладный ветерок, который тербил русые кудри Сокола и ласково оглаживал оголенные части тела – лицо, руки и босые ноги. Навстречу мальчикам шли нарядно одетые юноши и девушки, их веселый смех мог разбудить даже покойника. А ведь было всего лишь раннее утро.

Сегодня у молодежи было много приятных и весьма серьезных дел. Девушки плели из полевых цветов и трав венки для парней, которые вызывали в них наибольшую симпатию, и опускали их в днепровские волны. Если венок тонул сразу, значит, суженый разлюбил и замуж за него не выйти. А у кого из девиц венок дальше всех проплывал, то по древнему поверью девушка будет счастливее всех своих подруг. Кроме того, запускали еще и огневицы – маленькие лодочки, изготовленные чаще всего из дощечек. В центр такой лодочки ставилась свеча или зажженная лучина, а вокруг из травы и листьев делалась оградка, чтобы ветер случайно не погасил пламя. У кого огонь продержится как можно дольше, тот проживет долгую-предолгую жизнь. Если девушка или парень не имели пары, они могли отправить огневицу в плавание самостоятельно, но в основном ее запускала пара – жених и невеста или муж с женой. Когда парень и девушка клали огневицу на воду, они загадывали желания – обычно перечисляли нехорошие черты своего характера, от которых хотели избавиться.

Праздник бога Купалы вообще был волшебным. В купальскую ночь деревья переходили с места на место и разговаривали друг с другом, шелестя листьями. Беседовали между собой животные и даже травы, которые этой ночью наполнялись особой, чудодейственной силой.

Однако главным героем этой ночи, несомненно, был папоротник. С цветком папоротника, раскрывающимся всего на несколько мгновений в купальскую полночь, можно было увидеть все клады, как бы глубоко в земле они ни находились.

Но прежде чем пускать на воду венки и огневицы, нужно было провести священный обряд жертвоприношения – бросить свои требы (пироги, блины, крашеные яйца, плоды садов и огородов, зерно, квас, вино, мед, канун¹⁹) в огонь Священного Жертвенника, чтобы все принесенное в жертву появилось на праздничных столах богов и предков. Лишь после этого обряда от живого огня зажигали свечи и лучины для огневиц, которые освещали просьбы людей, а вода реки запоминала их и, испаряясь, поднималась к небесам, донося до богов все то, что желали для себя люди.

Церемония спуска венков и огневиц на воду интересовала Сокола и Бажена меньше всего. Для них главным были события возле большого костра на лугу у берега Днепра, где находилась пристань. Когда мальчики спустились с круч к месту действия, там уже начал собираться первый хоровод. Людей было много, и друзья еле протиснулись в свой круг.

Кругов было три. Взявшись за руки, люди должны были двигаться в разных направлениях: первый и третий – посолонь²⁰, средний – противосолонь. При этом в процессе движе-

в конце VII в.). В древнерусских письменных памятниках дирхем известен под названием «куна» и «ногата».

¹⁹ Канун – в «сыту» – дважды перебродивший мед – крошили еще и булку, и получался канун. Это блюдо в сочетании с кутьей (коливом), блинами и киселем в традициях восточных славян обычно подавалось к поминальному столу.

²⁰ Посолонь – движение, совершаемое по часовой стрелке. Противосолонь – это движение, совершаемое против часовой

ния по знаку главного волхва рода хороводы трижды меняли направление. В первом кругу находились люди зрелого и преклонного возраста, в среднем – молодые и полные сил парни и девушки, а самый маленький круг, – тот, что был ближе всего к огню, – составляли дети.

Но и хоровод для Сокола и Бажена был достаточно скучным и утомительным занятием. Они горели желанием приступить к главному действию праздника – прыжкам через костер и погружением в реку, которая должна была смыть все плохое, что произошло в их жизни за прошлый год.

Конечно, кое-какие грешки за мальчиками водились, однако своим житьем-бытьем они были довольны, и их больше занимал сам обряд в исполнении всех жителей поселения (за исключением стариков, которые и ходили-то с трудом, опираясь на клюку; где уж им совершать молодецкие прыжки через высокие языки пламени).

Наконец ритуальные пляски закончились, и люди весело загомонили в предвкушении долгожданного развлечения. В костер, который уже начал затухать, подбросили дров, и огненные языки поднялись высоко. Огонь должен был очистить души людей от скверны. Все знали, что тот, кто удачнее и выше всех прыгнет и не заденет пламя, целый год будет счастливым и довольным жизнью.

Бажен пролетел над костром, как птица.

– Ух ты! – восхитился Сокол. – Здорово!

– Я готовился к празднику Купалы, – ответил сияющий Бажен. – Уходил в лес и прыгал через кусты.

– А я-то думаю, чего это ты с начала весны ходишь весь оцарапанный? Грешил на кошек.

– Ага, кошки, как же... Однажды влетел в терновник, так едва выбрался. Два дня мать лечила меня мазями, чтобы хоть немного поджили царапины. Глубокие! Сам знаешь, каково продираться сквозь заросли терновника. Зато потом я стал прыгать через любые кусты, как олень. Стоило мне лишь вообразить, что это терновник.

– Ладно, теперь моя очередь...

Сокол сосредоточился, собрал силы и рванул вперед. И надо же было такому случиться, чтобы в этот момент на луговину обрушился сильный порыв низового ветра, хотя до этого стояла благодатная тишь. Ветер вмиг раздул пламя, огненные языки взметнулись ввысь, и Сокол уже в прыжке ощутил, как они лизнули его босые ноги.

Он возвратился к Бажену сильно расстроенным. Сокол всегда прыгал лучше своего друга, с большим запасом, но сегодня из-за коварного ветра не рассчитал высоту прыжка. Бажен принялся его утешать, но Сокол горевал недолго, и они помчались к реке, где с разбегу бросились в воду. Она должна была очистить их тела.

Но оставалось еще третье, главное очищение, – очищение Духа. Мальчиков никогда прежде не допускали до этого ритуала. Он был очень опасным и мог повредить здоровью. Но Соколу и Бажену уже исполнилось по двенадцать лет, и они получили право пройти это серьезное испытание.

Когда все желающие очистились пламенем, из горящих углей костра создали огромный огненный круг, по которому все желающие должны были пройти босиком. Немногие решались ходить по пылающим угольям. Лишь для воинов этот ритуал был обязательным.

– Не-а! – ступевался Бажен при виде огненного кольца, которое показалось ему чересчур обширным. – Не смогу. Что-то мне не по себе.

– Вольному воля... – ответил Сокол, хищно сощурившись. – А я попробую.

Тех желающих, кто впервые решился пройти по углям, вел через огненный круг за руку волхв, ответственный за это ритуальное очищение. И конечно же, он был босым. Казалось, что горящие уголья для него не более чем разогревшийся под солнцем песок на речной отмели.

Сокол не признался даже Бажену, что дедко давно готовил его к хождению по горящим угольям. В этом деле главным был соответствующий настрой, который приходил к человеку после молитвы, укрепляющей дух. Ни в коем случае нельзя было проявлять колебание, а тем более – боязнь. А еще старый кобник наказал внуку перед первым испытанием огненным кольцом смазать подошвы босых ног настоем из заговоренных трав. Похоже, и волхв, который воеводил первопроходцев по горящим угольям, тоже пользовался этим секретным снадобьем.

Собравшись, Сокол подошел к волхву и сказал:

– Я готов!

– Крепок ли ты в вере, отрок? – спросил тот, пристально глядя в глаза мальчика.

– Да!

– Не думай о том, что у тебя под ногами. Смотри на небо и твори молитву.

Отрешившись от всего земного, Сокол взял волхва за руку и без колебаний ступил на уголья. Поначалу ему показалось, что в подошвы впились мириады мелких иголочек, но затем он как бы воспарил под небеса и прошел круг на одном дыхании. Когда Сокол оказался вне огненного кольца, волхв наконец узнал, кого он вел, и одобрительно сказал:

– Узнаю выучку Чтибора... Теперь все зависит только от тебя, так как боги к тебе благосклонны.

Бажен лишь печально вздохнул, когда сияющий Сокол подбежал к нему поделиться новыми ощущениями...

Купальская ночь, как обычно, была бессонной. Мальчики присоединились к гурту сверстников и до самого утра предавались различным играм и увеселениям с неутомимостью и азартом, присущим их возрасту.

Многие, в том числе и Сокол с Баженом, приняли участие в купании коней. Купала был богом-покровителем Небесного Чертога Коня, поэтому лошадям в купальскую ночь уделялось особое внимание. Их тщательно чистили скребками, заплетали в гривы разноцветные ленты и украшали полевыми цветами. А как здорово было плыть по реке рядом с конем, держась за его пышную гриву!

Боевых коней в поселении насчитывалось около полусотни, и в обычные дни мальчишек к ним не допускали. Ведь лошади были верными друзьями дружинников, поэтому воины очень ревностно относились к уходу за ними. Езовых лошадей поляне практически не держали, потому что мало занимались земледелием, а на рыбалке или на ловах в лесу животные только обуза. Боевые кони большей частью находились в стойле, так как на днепровских кручах особо не разгуляешься. Их в основном держали для выездки, ведь каждый дружинник обязан был крепко держаться в седле. Поэтому купание коня в праздничную ночь для мальчишек было чрезвычайно радостным и волнующим событием. Хвала богам, взрослым в купальскую ночь было чем заняться...

Когда Сокол возвратился домой, дедко уже стряпал завтрак. Перед входом в жилище старого кобника были разложены стебли злой крапивы – чтобы никакая нечисть, в особенности ведьмы, не могла проникнуть в полуземлянку. Чтибор явно был очень доволен своим походом в лес. Оказалось, ему здорово повезло – он наткнулся на старый муравейник и заготовил приличное количество муравьиного масла, которое в купальскую ночь приобретало большие целительные свойства.

Конечно, и Сокол, и Бажен получили возле костра свою долю освященной пищи – немного каши, по одному яйцу, два блина и жбан кваса, – но что такое эта скудная еда для молодого организма, пребывавшего в постоянном движении? Поэтому мальчик с вожделением принюхивался к запахам жаркого, которое готовил дед. А старый Чтибор был весьма искусен в стряпне.

На сковороде скворчал большой кусок оленины, который принес кобнику один из молодых ловников рода третьего дня, чтобы кобник погадал ему в преддверии праздника Купалы

на невесту. Так что мясо оказалось очень кстати, ведь в летний период поляне ели в основном пресные лепешки, кашу, рыбу, овощи и тюрю – квас, в который щедро крошили зеленый лук и хлеб...

Под конец сытной трапезы Сокол уже был совсем сонным. Он упал на свою постель и уснул сразу же – как убитый. Так может засыпать только молодость. Ему снились странные красочные сны, но они проносились мимо него так быстро, что он ничего из увиденного не запомнил.

Глава 3. Оборотень

В начале осени в селении поселилась тревога. В лесу и так хватало разной нечисти, а тут еще в нем объявился оборотень – волкодлак. Эту неприятную новость принесли не ловники, а, как ни странно, старый Чурило.

Он собирал на лесных полянах осенние ягоды да и придремал на пригорке, хорошо прогретом солнышком, которое все еще щедро сеяло на землю свои животворящие лучи. Проснулся Чурило – если верить его рассказу – когда начало темнеть, и поторопился в обратный путь. Тут-то все и случилось.

Едва Чурило добрался до небольшой лужайки, по которой протекал ручей (трава там всегда была сочной и зеленой, даже поздней осенью; от этого места до поселения рукой подать), как из зарослей выскочил огромный волчище и загрыз крупного еленя²¹, мигом разорвав его на куски. Самки, которые паслись на лужайке, едва не притоптали опешившего Чурилу, убегая от серого лохматого страшилища, убившего их господина и вожака стада.

Страж ворот был ни жив ни мертв. Он словно врос в землю, потому что ему не повиновались ни руки, ни ноги. Чуриле оставалось лишь в смертном ужасе наблюдать, как волчище жадно поглощает большие куски еленя, да так, что только хруст шел от разгрызаемых костей. Зубы у него были длиной в человеческий палец, поэтому кости он перемалывал, словно жернова ручной мельницы зерно.

Волчище уже съел половину еленьей туши, когда наконец заметил Чурилу. Обычно сытый зверь очень редко нападает на человека, только когда его потревожат, но этот волк явно был необычным. Видимо, он решил, что человек зарится на его добычу. Оставив недоеденную тушу, он начал медленно приближаться к старику. Как потом рассказывал Чурило, в глазах зверя полыхал красный огонь, шерсть на загривке встала торчком, а ощеренная пасть, из которой вытекала кровавая слюна, напоминала капкан, который мог раздробить ногу лесного тарпана. Эти небольшие лошадки были осторожны и пугливы, подобраться к ним на расстояние выстрела из лука не могли даже самые опытные ловники, поэтому на лесных тропах, протоптанных зверьем, приходилось ставить на них капканы. Мясо тарпанов было очень вкусным и питательным, чаще всего его вялили и брали в дальние походы.

Видя неминуемую гибель, Чурило опомнился и с юношеской прытью (где и сила взялась!) вскарабкался на высокое дерево, почти до самой его верхушки. Только там он заметил, что задние ноги зверя согнуты в коленях, как у человека, – вперед. Это был волкодлак!

Ни живой ни мертвый, страж ворот мертвой хваткой вцепился в древесный ствол, с ужасом дожидаясь смерти. Ведь, по словам бывалых людей, оборотни могли лазать по деревьям. Но волкодлак сначала издал свирепый рык, а затем завыл, да так страшно, что по лесу словно пронесся сильный порыв ветра. Какое-то время он кровожадно глядел на Чурилу, а затем вернулся к своей добыче, одним махом вскинул ее на спину и был таков.

Бедный старик просидел на дереве всю ночь. Он боялся, что оборотень не ушел далеко, а подстерегает его в зарослях. Сняли его с дерева ловники, которые отправились на промысел с утра пораньше. Чурило нес совершеннейшую чушь, все подумали, что он сошел с ума. Старик ни в какую не хотел продолжить путь в одиночестве, поэтому ловникам пришлось сопровождать его до самого поселения. А когда страж ворот оклемался, рассказ Чурилы потряс воображение всех, кто захотел послушать о его ночном приключении. Еще бы – в лесу появился волкодлак!

Однако ловники лишь посмеялись, услышав его бредни. Они не боялись волкодлаков. Им хорошо было известно, что оборотня можно убить хладным железом – стрелой или копьем.

²¹ Елень – древнеславянское название оленя.

Так чего пугаться почем зря? К тому же словам Чурилы, прославившего болтуном, веры не было. Тем более что волчьих следов на лужайке они не обнаружили. А кровь из туши еленя (если она там была) смыло дождем.

Прошло несколько дней. Конечно же, никто всерьез не воспринял слова Чурилы, и походы в лес – за ягодами, грибами, за лекарственными травами и на ловы – продолжались. До той поры, пока в лесу не исчезла Матилада. Ее отсутствие в поселении заметили сразу же. А как не заметить, если ее скрипучий, склочный голос будоражил тишину поселения с раннего утра и до позднего вечера?

Первыми всполошились ее товарки – такие же любительницы почесать язык, как и Матилада. Они начали теребить кнеза – главу рода, чтобы тот выслал на ее поиски ловников. Поляне хорошо знали лес, могли превосходно в нем ориентироваться, но иногда случалось, что лесная нечисть путала тропы, заводила в такую глухомань, откуда было непросто выбраться, особенно вездесущим подросткам, которые совали свои любопытные носы куда не следует.

В лесу были запретные зоны, где творилась разная чертовщина; туда опасались заходить даже бывалые следопыты. Нечистая сила могла там принимать разные внешности. Она показывалась в облике соседа или родственника, старика или невинного ребенка, женщины и даже двойника человека, которого угораздило зайти в местность, где довлело древнее заклатье, как утверждали волхвы. А еще нечисть иногда принимала образ целого войска, вихря, огненного столба или разных зверей. Во внешности нечистой силы всегда было что-нибудь необычное. Вроде бы человек, а на ногах копыта, зубы железные, на теле шерсть или волосы дыбом. Повернется задом, а спины нет, и все кишки наружу. Но чаще всего в местах неизвестной темной силы появлялся хромой заяц, с виду подранок, которого стрелы не брали. С каждым выстрелом он становился все больше и больше, мало того, зловредный оборотень хохотал и предлагал поцеловать себя в зад, грозил ловнику лапой, а иногда гнался за ним до самого поселения, где в конце концов с шумом исчезал в вихре, оставляя после себя зловоние или превращаясь в смолу.

Нужно сказать, что особой охоты искать Матиладу ни глава рода, ни ловники не высказали. Мало того, многие вздохнули с облегчением. Сплетни, которые она разносила с таким усердием, немало испортили крови жителям поселения. Но и оставить заблудившуюся в лесу соплеменницу умирать нельзя было ни в коем случае.

Лучше бы ее не искали. Неведомый зверь затащил Матиладу в чащобу и разорвал ее на куски. Следопыты, которые нашли то, что осталось от скверной старухи, молились всем богам, потому что более страшного зрелища видеть им не доводилось, а по возвращении в поселение они тут же принесли богатые жертвы богу Велесу. Судя по тому, что даже берцовые кости Матилады были разгрызены, у зверя были клыки побольше, чем у медведя. Все единогласно решили, что это мог сделать только волкодлак-оборотень.

С той поры жители поселения ходили в лес в сопровождении охраны – бывалых воинов. Но ведь вооруженного до зубов стража к каждому не приставишь. Чтибор лишь посмеялся над страхами соплеменников и по-прежнему бродил по лесу в одиночестве. Он надеялся на свое искусство опытного волхва, благодаря которому старый кобник мог справиться с любым зверем. Его примеру последовал и Сокол: еще чего, бояться оборотня, которого можно поразить стрелами. Ведь мальчик, несмотря на юные годы, был весьма искусным лучником.

Ранним утром к Соколу забежал его друг Бажен. Выражение его круглого, в россыпи веснушек лица было загадочным и таинственным.

– Чем занимаешься? – с порога спросил Бажен.

– Иду на ловы, – коротко бросил Сокол, набивая свою походную сумку всякой всячиной, необходимой лесному следопыту.

– С ума сошел! – воскликнул Бажен. – А ежели оборотень загрызет? Говорят, у него такие клыки, что тебя он враз перекусит пополам.

– Пушай попробует, – самоуверенно ответил Сокол.

Он как раз натягивал охотничьи лапти, сплетенные из заговоренного Чтибором лыка, наматывал конопляные онучи и крест-накрест оплетал ноги прочными оборами.

Лучше обуви для охоты, чем лапти, придумать было трудно. Даже князья, дружинники и богатые купцы не гнушались носить это изобретение простого народа. Зимой, в отличие от другой обуви, в лапти не набивался снег, в них легко было ходить по насту. Обычно к летним лаптям для прочности и против пыли пенькой или тонкими дубовыми волокнами, распаренными в кипятке, крепились кожаные подметки. В дождь и грязь на лапти надевались выдолбленные дощечки-колодки – на каждую ногу по две, чтобы благодаря зазору между ними сохранялась гибкость немудреной обуви. Дощечки пропитывали дегтем, чтобы они не гнили и не промокали.

Лапти Сокола, мало того, что были заговорены (дабы зверь не учуял запах юного ловника), имели еще и особенные подметки – из прочной заячьей шкурки густым зимним мехом наружу, вычиненной особым способом. Она была очень прочной, но главным достоинством таких подметок был чрезвычайно тихий ход, даже среди сухостоя. Со стороны казалось, что Сокол не шел, а плыл по воздуху между деревьев, настолько бесшумно он передвигался. Ведь главное в любой охоте – не вспугнуть зверя.

– Эх, какая досада! – разочарованно сказал Бажень и в сердцах стукнул рукоятью остроги о пол жилища; похоже, он собрался на рыбалку.

– Почему? – поинтересовался Сокол.

– Я нашел место, где лини, что ваша сковородка! – выпалил его друг, указывая на печь. – Вот такие! – Для большей убедительности он развел руками, дабы показать размер линя.

– И где это?

– У Черных скал.

– Погоди, погоди... Но ведь в том месте глубина – ого-го. Как ты достанешь линя острогой?

– В том-то и дело, что никто не знает тайны Черных скал! А я все разведал третьего дня. Взял у отца малый челнок и сплавал к скалам. Едва не попал в водоворот! Нечистый знаешь, как там крутит? Страсть! Между скалами я нашел проход и попал в мелкий залив, поросший камышом. Вода в нем чистая, как слеза. Я глянул – и обомлел. Дно в заливе песчаное и отливает золотом, так много там линей. Лежат, бока греют на солнышке перед зимними холодами. И почему я, дурень, не взял острогу?!

К Черным скалам рыбаки полян старались не приближаться. О них шла дурная слава. То, что Бажень сумел избежать гибели в водовороте, было поистине чудом. Конечно, смелости его другу не занимать, да и реку он знал, как никто другой, ведь его отец промышлял в основном рыбалкой и часто брал Баженью с собой. Но водовороты у Черных скал было несколько. Притом они неожиданно появлялись и также внезапно исчезали. Если лодка с рыбаками попадала в эту водяную ловушку, то обычно камнем шла на дно, утаскивая за собой и людей.

Как могли появиться у высокого глинистого берега черные глыбы, напоминающие издали огромные медвежьи клыки, трудно было даже представить. Таких камней в округе больше нигде не наблюдалось.

Волхвы утверждали, что их сбросил на головы своего врага Велеса буйный Перун-Громобой²², когда в незапамятные времена случилось сражение богов. Велес, конечно же, избежал гибели, но под камнями лежат схороненные мелкие бесы, его помощники. Некоторые из них до сих пор живы, только придавленные тяжелым грузом, и устраивают добрым людям разные пакости.

²² Перун – бог-громовержец в славянской мифологии, покровитель князя и дружины в древнерусском языческом пантеоне.

Сокол некоторое время размышлял, – уж больно соблазнительным выглядело предложение друга – но затем, решительно тряхнув золотистыми кудрями, сказал:

– В следующий раз. Уж коль наметил что-то, нельзя отказываться от задумки, иначе пропадет удача. А нам нужны звериные шкуры. Скоро будет полюдье, ведь дань никто не отменял. Дедко и в ус не дует, днями ищет травки-корешки целебные, но кто-то же должен озаботиться оплатой повинности? Иначе жди беды. Сборщики дани знаешь, как лютуют...

– Да знаю, знаю... – Бажен помрачнел. – Не дашь звериные шкуры, возьмут дань людьми...

Сокол проверял капканы на куницу. Куний мех ценился очень высоко, куницами платили дань и расплачивались за разные заморские товары. Несколько меховых шкурок, связанных вместе, назывались «кунами». Количество шкурок благородного зверька в связке было разным и со временем менялось в большую сторону. Но этот вопрос Сокола волновал меньше всего. Его дело – добыть куницу, а все остальное зависело от решения главы рода и купцов.

Установить капкан на куницу, с одной стороны, как бы и несложно, а с другой – было головной болью ловников. Куницы не устраивали себе домики, они свободно перемещались по лесу, задерживаясь на одном месте только при наличии обильной пищи и удобного места для дневного отдыха (дневными убежищами для них обычно служили дупла деревьев).

В начале осени Сокол немало побродил по лесу, выискивая места, удобные для проживания куниц. Он делал зарубки и прикармливал зверьков, периодически раскладывая приманки в одних и тех же местах.

Всем другим способам ловли ценного зверька Сокол предпочитал маленькие шалашики из веток и сухой травы, где устанавливал хитрые петли из конских волос. Просунет куница голову в петлю – и все, назад ей ходу нет. Он соорудил шалашики давно, едва начали желтеть листья. Когда пришла пора охоты, Сокол установил приманки – привязал сбоку от шалашиков пучки тетеревиных перьев. Покачиваясь на ветру, они привлекали обладающую острым зрением куницу.

В качестве приманки Сокол использовал отходы от добытых зайцев, тетеревов и рябчиков. У куницы был слабый нюх, поэтому Сокол сделал «накроху» – длинную дорожку, состоящую из мелко покрошенных кишок, заячьей шкуры и перьев рябчика. Чем длиннее «накроха», ведущая к шалашику, тем больше было шансов добыть ценного зверька. Капканы, установленные на куницу, Сокол особо не маскировал – зверек был отчаянно смелым и чрезвычайно любопытным.

Кроме всего прочего, Сокол, по совету Чтибора, приготовил еще и приманку из пахучих кунных желез. Для этого он два дня настаивал их на рыбьем жире, после чего разложил по шалашикам. Дедко уверял внука, что запах остро пахнущих кунных желез обязательно привлечет внимание зверька, и он ни в коем случае не пройдет мимо ловушки.

– Есть! – в восторге воскликнул Сокол, проверив первый шалашик – в настороженной петле находилась великолепная куница.

Это было несомненной удачей, значит, лесные духи к нему благосклонны!

Достав зверька из петли, Сокол залюбовался добычей. Темно-каштановый мех куницы с желтоватым округлым горловым пятном был густым, длинным и шелковистым на ощупь. В ловушку попался крупный самец, длиной больше локтя. Он был молод и хорошо упитан. Его шкурка считалась очень ценной. Ее называли «темно-голубой», так как мех был без рыжего оттенка, а пух – серо-голубым в основании и светло-серым при вершине.

Приободренный хорошим началом, Сокол начал обход шалашиков еще с большим рвением. Он настолько увлекся своим занятием, что совсем забыл об осторожности, столь необходимой в лесу, где было много хищных зверей. А как не забыть, если почти в каждой ловушке он находил куницу! Дедко, как всегда, был прав, когда предложил Соколу добавить к обычным приманкам пахучие железы куницы.

Зверей на берегах Днепра, где росли густые леса, водилось такое множество, что они тотчас поселялись там, откуда уходил человек. Даже на пепелищах разрушенных войнами и набегам селений вновь водворялись дикие звери и пернатые. Пардусы²³, белки, бобры, кабаны, волки, дикие козы, куницы, лоси, медведи, ласки, олени, лисицы, рыси, туры, лебеди, дикие гуси, утки, перепела, рябчики, тетерева... Всех не перечислишь!

Сокол торопился обойти свои ловушки до начала большой охоты, в которой принимали участие все взрослые жители поселения, способные держать в руках оружие. Для этого несколько лет назад, вырубив деревья, на большой площади устроили плотный завал, способный удерживать животных.

Пространство, окруженное завалом, оберегалось лесной стражей. Входы внутрь огражденного места оставили открытыми, чтобы крупные звери – в основном туры, олени и кабаны – свободно туда входили, после чего без особого труда эти ворота закрывали, и животные спокойно паслись там, не предвидя опасности.

Осенью, когда они изрядно нагуляли жир и когда многие деревья сбрасывали листву, поляне устраивали большую охотничью забаву. Но она была отнюдь не безопасной. Во время охоты на грозных туров страх охватывал не только зверя, но и ловников. Нередко случалось так, что невозможно было помочь друг другу. Каждый ловник заботился лишь о себе, каждый мог легко потерять жизнь, и малейшая ошибка приводила к трагическим последствиям. Единственной защитой и спасением ловника во время охоты на тура являлся конь – быстрый и поворотливый. Поэтому на туров охотились большей частью глава рода и знатные дружинники, которые имели лошадей.

Но Сокола в данный момент интересовали только его ловушки. Да и отрокам нельзя было присутствовать во время больших ловов; они могли лишь наблюдать за ними издали, забравшись на самую верхушку завала. Иногда особо удачливым даже удавалось подстрелить дикую козу или оленя, которые в страхе метались внутри ограды, пытаясь найти брешь в завале, через который можно было вырваться на свободу. В прошлом году отличился и Сокол – его меткие стрелы поразили подсвинка и двух коз.

В какой-то момент мальчик вдруг почувствовал себя неудобно. До этого азарт добытчика заглушил в нем чувство осторожности, да и погода стояла великолепная, не предвещавшая беды. Ему вдруг показалось, что от яркого солнца повеяло зимним холодом, а деревья начали шуметь предостерегающе. Сокол невольно сжал в кулаке свой оберег – большой коготь медведя, висевший на кожаном гайтане у него на шее.

Хозяин леса, которому поклонялись поляне, не был убит во время ловов. Его нашел Чтибор уже бездыханным. В лесу разыгралась очередная трагедия, коих всегда было предостаточно – медведь напал на могучего тура, но он уже был стар и не рассчитал своих сил. Тур поднял его на рога, а затем в ярости потоптался по медвежьей туше острыми копытами.

Медведя в торжественной обстановке сожгли волхвы – точно как усопшего человека – и даже справили по нему тризну. Негоже было оставлять лесного хозяина, кумира рода, на поживу лесному зверю. Шкуру забрал главный волхв рода, а Чтибору достались несколько когтей зверя. Один из них и пошел на оберег Соколу. Старый кобник тщательно обработал коготь, прочертил на нем какие-то таинственные знаки и вручил оберег внуку в начале новолуния – на удачу.

Сокол как раз подошел к месту, где была установлена очередная ловушка. Его ждало огромное разочарование – кто-то разворотил шалашик. От куницы осталась только голова, а трава и опавшие листья были залиты свежей кровью. Похоже, на добычу Сокола позарился какой-то крупный зверь, судя по тому разорению, которое он сотворил вокруг шалашика.

²³ Пардус – барс.

Создавалось впечатление, что зверь был в ярости, потому что он не только уничтожил ловушку и съел куницу, но еще и погрыз своими острыми клыками ветки кустарника.

Конечно, любой лесной зверь – а в особенности хитрая лиса – не прочь полакомиться дармовщиной, что для ловников всегда было большим огорчением. Но обычно попавшая в ловушку добыча съедалась аккуратно, без спешки, в спокойной обстановке – торопиться-то незачем. Однако то, что увидел Сокол, заставило сжаться его сердце в предвкушении какой-то беды.

Он внимательно осмотрелся, но ничего подозрительного не заметил. Разве что птицы... Они исчезли. Даже назойливая сорока, которая долгое время преследовала мальчика, застрекотала в последний раз – и была такова.

Сокол застыл, прислушиваясь. Ему показалось, что в зарослях кто-то притаился. Он быстро сорвал с плеч лук, потянулся за стрелой... и в этот момент из чащи выскочило невиданное чудище. Его свирепый рык буквально парализовал Сокола. Это был волкодлак!

Размером с медведя, с тупой, широкой мордой и огромными клыками, волкодлак представлял собой страшное зрелище. Его серая лохматая шкура была испещрена темными пятнами и полосами, глаза горели красным огнем (по крайней мере, так показалось испуганному мальчику), а из широко разверстой пасти капала обильная густая слюна.

Все, что успел сделать Сокол, так это мигом взобраться на дерево. Временный ступор прошел очень быстро. Да и сильный испуг добавил сил. К тому же Сокол, выросший среди дикого лесного приволья, всегда был готов к разным неприятным неожиданностям, встречающимся в лесу. Он не смог воспользоваться луком – просто не успел бы; мальчик бросил свое оружие, потому как оно мешало карабкаться на дерево.

Едва Сокол добрался до его нижних ветвей, как волкодлак совершил невероятный прыжок вверх. Его клыки звучно щелкнули у самой обувки юного ловника. Промажнувшись, волкодлак издал утробный рык, а затем завыл, да так громко, что у Сокола мурашки побежали по коже. А затем чудище снова прыгнуло. Мальчик в отчаянии понял, что для спасения выбрал не лучшее убежище. Сосна, на которую он забрался, была тонкая, и лезть выше не имело никакого смысла – дерево могло сломаться.

Волкодлак словно понял, что его жертве деваться некуда, и продолжил свои прыжки, время от времени злобно рыча и подвывая. Дерево расшатывалось все сильнее и сильнее, и Сокол удерживался на нем лишь каким-то чудом.

Он не знал, да и не мог знать, что кровожадное чудище не волкодлак. Это был реликт древней эпохи, сохранившийся каким-то чудом в непроходимых лесах Приднепровья. Позже ученые люди назовут его «ужасным волком». Он охотился на туров и оленей, но не брезговал более мелкой добычей и падалью. Длиной он был более пяти локтей и весил как небольшая лошадь.

Мальчик громко воззвал ко всем богам полян, чем вызвал еще большую ярость зверя. Его вой стал просто ужасающим, а рычанье разносилось по всему лесу. Сокол уже приготовился к смерти, потому что сосна начала подозрительно потрескивать и могла в любой момент сломаться, как неожиданно из зарослей выметнулся бурый лохматый клубок и набросился на волкодлака. Одинец!

Сокол сразу узнал своего любимца. Медведь еще с лета оставил поселение – ушел искать себе подругу. Сокол скучал по нему, но ничего поделать не мог. Однажды он встретил Одинца в лесу, но тот лишь злобно проворчал и поторопился скрыться. Он стал по-настоящему диким зверем.

Но что его заставило прийти на выручку своему другу? Видимо, в памяти зверя все еще оставались воспоминания о прежней жизни, и громкая молитва Сокола долетела до его ушей. Видимо, Одинец и впрямь был воплощением Велеса.

Мальчик с трепетом наблюдал за схваткой огромных зверей. Заматеревший Одинец сражался с неменьшей яростью, нежели волкодлак. Он давил древнего волка своей тяжелой тушей, однако уберечься от клыков волкодлака было трудно, и вскоре его шкура окрасилась кровью. Но и ужасный волк был изрядно изранен.

Неизвестно, как долго продолжался бы этот поединок, но тут Одинцу подоспела подмога. Проломив стену густого кустарника, на поляну выскочила медведица – судя по всему, подруга Одинца. Они вдвоем набросились на волкодлака, и под их ужасающей мощью древний волк сломался. Раздался хруст костей позвоночника волкодлака, и он, издав последний рык, – уже тихий и жалобный – оказался погребенным под медвежьими тушами...

Из предосторожности Сокол не стал спускаться на землю, пока медведи не отправились восвояси. Одинец, тихо урча, долго смотрел на мальчика с каким-то странным выражением, но медведица раздраженно подтолкнула его лапой и они ушли.

Оказавшись внизу, Сокол в изнеможении растянулся на земле. Он избежал страшной, смертельной опасности, но почему-то радости не испытывал. Ему казалось, что все это произошло не с ним, что ему приснился кошмар. Однако спустя какое-то время он встряхнулся, достал нож и начал снимать шкуру с волкодлака. Все это Сокол проделывал машинально; именно так поступил бы на его месте любой охотник рода.

Глава 4. У черных скал

Приключение Сокола наделало много шума. Когда он с трудом притащил в поселение тяжеленную башку волкодлака вместе со шкурой, сбежались все – от мала до велика. Дружинники и бывалые ловники только головами качали в тихом изумлении, глядя на то, что осталось от лесного страшилища, и на Сокола, который стоял несколько в сторонке, дабы его не затоптали в толпе, с гордым видом независимо сплевывая сквозь зубы.

Потом появились волхвы, старейшины и сам глава рода – кнез²⁴ Доброгаст. Его избрали кнезем прошлой осенью, после смерти старого правителя, которого ранили отравленной стрелой лесные разбойники из племени Он-Гур – мадьяры. Доброгаст был молод – ему едва минуло тридцать пять лет, но уже пользовался вполне заслуженной славой рассудительного, мудрого мужа и бесстрашного воина.

Волхвы сразу же разожгли большой костер посреди поселения и начали камлать и творить молитвы богам, а кнез позвал Сокола в свой дом. Он был просторным, с высоким потолком и богатой утварью – Доброгаст мог позволить себе такую роскошь. Он не раз ходил в набеги и обычно возвращался невредимым и с богатой добычей. Удачлив был кнез, ничего не скажешь.

Открыв один из сундуков, богато украшенный резьбой (явно работы заморских мастеров), он покопался в нем и выудил из его глубины изумительной красоты серебряную гривну. Она была сплетена из тонкой проволоки, имела хитрую застежку, а на ее концах щерились две волчьи морды, которые держали в зубах колечко с подвешенной к нему птицей. Распростершая крылья птица немного смахивала на скопу, только была уж больно грозной с виду. Казалось, еще немного – и птица бросится камнем вниз, чтобы достать из воды добычу – какую-нибудь большую рыбину.

И волчьи морды, и «скопа» были сработаны неведомым мастером чрезвычайно искусно. Можно было различить даже перышки птицы.

– Не зря я горел желанием догнать хазарского бека²⁵, ох, не зря, – сказал Доброгаст, полируя немного потемневшее серебро куском мягкой холстины. – Его отряд мы разбили, а сам он попытался скрыться в лесу вместе с телохранителем. Меня отговаривали преследовать его – хазары народ хитрый, могли устроить засаду. Однако меня словно на аркане тащило в чащу. Догнал я хазарина и поначалу срубил его слугу. А затем пришел черед и беку. Но я только ранил его. Он просил оставить ему жизнь и предлагал гривну в качестве выкупа. Говорил, что это не только большая ценность, но и очень сильный амулет, который приносит воину удачу. Однако я лишь посмеялся над его словами. Тащить тяжелораненого бека через заросли к нашей стоянке не было никакого смысла... и я прекратил его мучения.

Доброгаст нахмурился и умолк, погрузившись в воспоминания. Но пауза была недолгой. Тряхнув головой, он мрачно улыбнулся и продолжил:

– А бек-то не соврал – похоже, гривна и впрямь заколдованная. Несколько раз я мог погибнуть в тяжелой сече, изнемогая от усталости, но стоило мне прикоснуться к ней, как откуда-то прибывали новые силы, и я продолжал сражаться. И все равно, со временем гривна начала меня тяготить. Видать, не приняла она нового владельца. Наверное, древнее колдовство, заключенное в ней, не может простить гибель ее первого хозяина – хазарского бека – от моей руки. Поэтому я и держу гривну в сундуке. Возьми ее, может, она будет к тебе более благосклонна. Пока еще ты совсем невинная душа, никаких грехов на тебе нет, тем более –

²⁴ Кнез – древнеславянское название князя.

²⁵ Бек, каган-бек – знатный титул. Выше каган-бека находился номинальный правитель Хазарии – просто каган или Большой Каган. У каган-бека имелся заместитель – кундур-хакан.

пролитой крови хазар. Бери, бери, не смущайся! Ты достоин такой награды. Пусть и не от твоего оружия погиб волкодлак, но это случилось в твоём присутствии. Значит, тебе благоволит сам Велес. В народе уже говорят, что это он вступился за тебя, приняв облик Оди́нца.

Немного поколебавшись, Сокол взял гривну. И неожиданно ему показалось, что металл начал нагреваться! С испугу он едва не уронил ценную награду, но собрал всю свою волю в кулак и мужественно преодолел мимолетную слабость.

Внимательно наблюдавший за ним Доброгаст одобрительно кивнул; похоже, ему была известна эта странная особенность гривны – встречать очередного владельца возмущением. А серебро и впрямь уже не грело, а жгло ладонь, но Сокол стоически переносил боль.

– Пока носить гривну ты не должен, – сказал кнез. – Спрячь ее подальше. Наденешь, когда станешь воином. А если гривна и тебя не примет, продашь ее. Она стоит немало – целое состояние. Купишь себе самое наилучшее оружие и защитное снаряжение.

Доброгаст дал Соколу кусок холстины, в которую тот завернул гривну и покинул жилище кнеза. Он был неглупым мальчиком, да и старый Чтибор учил его, что доверять можно не всем, даже если человек с виду кажется простодушным добряком. Но Доброгаст был жестким вождем и уж никак не отличался большой щедростью, скорее, был прижимист. Поэтому Сокол шел домой и размышлял в тревоге: с чего это Доброгаст проявил такую расточительность?

То, что шейная гривна – да еще такая! – стоила баснословно дорого, Сокол не сомневался. Но ведь кнез мог ее просто продать! Ан нет, он отдал ее мальчишке, который всего лишь присутствовал при схватке Оди́нца и медведицы с волкодлаком.

Сокол честно поведал соплеменникам, как ему досталась шкура и голова оборотня, кнезу были известны все перипетии этого удивительного события, поэтому мальчик не считал себя великим героем. Ему просто сопутствовала удача. И милость богов. Что, в общем-то, немало. Но получить столь ценную награду за подвиг, который не совершал... это было очень странно.

Сокол так и заявил Чтибору, когда оказался в своем жилище.

– Покажь! – потребовал кобник, который был не в духе.

Он был недоволен тем, что волхвы не взяли его в свою компанию для свершения важного и почетного очистительного ритуала, который они свершали над головой и шкурой волкодлака, несмотря на то что именно его внук избавил жителей поселения от оборотня. Пусть и не собственными руками, но ведь Оди́нца-то воспитывали он и Сокол!

Мальчик развернул холстину, и великолепная шейная гривна засверкала, заискрилась под солнечными лучами, которые врывались в открытую дверь полуземлянки. Чтибор долго смотрел на нее, а затем сказал сурово:

– Мне однажды довелось видеть почти такую же... У конунга²⁶ варягов. Мне пришлось некоторое время находиться в плену у русов, а они тогда с варягами были дружны. Конунг сколотил крупную разбойничью шайку и обирал честных купцов севера, которые везли свои товары на продажу грекам. Нынче варягов ни на Днепре, ни в Сугдейском²⁷ море днем с огнем не встретишь. Русы отбили у них охоту разбойничать в наших землях.

– Возьми гривну в руки, дедко, – сказал Сокол. – Она нагревается!

– Нет! – резко ответил старик. – Вижу я, это очень сильный оберег, да не тебе он предназначен.

– Я и сам это понял. Но почему Доброгаст отдал гривну мне, а не продал ее?

– Обереги не продаются. Их передают из рук в руки. Своим родичам он не рискнул ее подарить, а тут ты подвернулся. Конечно, Доброгаст зла никому из членов рода не желает.

²⁶ Конунг – северогерманский термин для обозначения верховного правителя. В эпоху зрелого Средневековья этот термин соответствует понятию «король».

²⁷ Сугдейское море – наименование Черного моря в древности, данное ему по названию одного из богатейших городов Причерноморья – Сугдее (Судаку), через который проходил известный Великий шелковый путь из Китая в страны Передней Азии и Европы.

Просто он уверовал, что тебе покровительствует Велес, а это значит, что злая сила чужеземного колдовства, заключенная в гривне, может быть побеждена с его помощью.

– И что мне теперь делать? – растерянно спросил Сокол.

– Носить гривну, – ответил Чтибор. – От доли не уйдешь. Значит, так решила Макошь, богиня судьбы. Только сделаешь, как советовал кнез, – наденешь гривну, когда станешь воином. Но прежде я попытаюсь обезопасить тебя от зла, которое заключено в ней. Я чую его, как добрый пес спрятавшуюся в траве дичь! Получится ли, не знаю, но я попытаюсь. Оставь гривну на печи, а сам иди, погуляй...

Бажен все-таки сманил Сокола порыбачить на линей. Он больше не рискнул отправиться в одиночестве к Черным скалам, лишь постоянно манил друга небывало богатым уловом.

К осени рыба нагуливала жирок, и запеченный на вертеле линь, чрево которого набивали разными пахучими травками, был чрезвычайно вкусной едой. В конце концов Сокол махнул рукой на всяческие предосторожности, благо стояла хорошая безветренная погода, а Днепр катил свои воды тихо и сонно, словно уже готовился к зимней спячке подо льдом, и поддался соблазну.

Челнок друзья, конечно же, умыкнули у старого рыбака Волоха, который по причине старческой немощи редко оставлял берег. Теперь он ловил в основном сомов, закидывая в омуты – любимое место обитания крупных рыб – бечевы с большими крючьями. Однажды огромный сомик едва не утащил старика на дно, да его спас большой рыбацкий опыт, – проверяя удочки, он предусмотрительно обматывал бечеву вокруг талии и привязывался к дереву.

Волоху пришлось проторчать в распятом виде полдня, пока на него не наткнулась рыбацкая артель, тянувшая невод. Сом буквально растерзал старика, едва не переломив его в пояснице. Хорошо, он сообразил прислониться к дереву, которое помогло ему устоять в неравной схватке.

О том, чтобы обрезать бечеву и отпустить сома, Волох даже не мыслил. Еще чего! Он готов был умереть, но не отпускать знатную добычу. А сом и впрямь оказался настоящим страшилищем длиной больше десяти локтей. Его едва вытащили на берег объединенными усилиями всей артели.

У Черных скал бурлили водовороты. Конечно, они не были такими большими, как ранней весной и в начале лета, но от этого опасность оказаться на дне не уменьшалась. Бажен, ловко лавируя между воронками, добрался до прохода между скалами, и они наконец очутились в обширной тихой заводи, поросшей вдоль прибрежной кромки камышом и русалочьими цветками²⁸.

Нужно сказать, что Сокол изрядно струхнул, пока Бажен преодолевал водную преграду в виде коварных омутов-водоворотов. Конечно, плавал он, как все дети полян, выросшие на Днепре, великолепно. Но из водоворотов выбираться могли очень немногие. Для этого требовались незаурядная храбрость, опыт и большая сила.

Оказавшись в заводи, Сокол первым делом подивился ее размерам и красоте. Со стороны берега заводь охраняли высокие обрывы, поросшие ползучими растениями, кустарником и разноцветным мхом, а остальное прибрежное пространство представляло собой песчаный пляж. Песок там был очень чистый и на фоне черных камней отливал золотом. А уж русалочьи цветы и вовсе казались богатым венком, похожим на те, что делали девушки в ожидании купальской ночи, только очень большим.

Цветы были настолько красивы, и Сокол так увлекся созерцанием дивной картины, что даже вздрогнул, когда Бажен толкнул его в плечо.

– Ты что, уснул? – спросил он сердито. – Зову, зову... Ты глянь, глянь! – указал он на воду.

²⁸ Русалочий цветок – кувшинка, водяная лилия.

Сокол перегнулся через борт лодки и посмотрел в глубину. Посмотрел – и невольно ахнул. Бажен не соврал!

Лини и впрямь были размером со сковородку – длиной больше локтя. Местами они сбились в стайки и стояли совершенно неподвижно, словно впитывая в себя последние, все еще не по-осеннему жаркие солнечные лучи. У многих из них чешуя была зеленовато-серебристая, но встречались лини и темно-бурые, с золотым отливом. Некоторые рыбины кормились – копали ил, медленно передвигаясь по дну. Муть от их трудов садилась быстро, так как на дне было много песка.

– Держи! – сказал Бажен, вручая Соколу острогу.

Его отец делал лучшие остроги в поселении. Поэтому Сокол оставил свою дома, так как она не шла ни в какое сравнение с той, которую предложил Бажен.

Острога была не простой, а составной. Один конец кованого железного прута – зуб – был заострен, а для удержания пойманной рыбы на нем вырубили несколько зазубрин. Но и это еще не все – чтобы сделать острогу более «добычливой», стержень зуба имел колено. Верхний кончик прута был отогнут под прямым углом и вставлен в паз, прорезанный в древке. Рукоять остроги с вложенными в нее зубьями была обмотана не только лыком, но и проволокой – для крепости. Острога предназначалась для крупной рыбы, так как размер зубьев по длине был чуть меньше пяди²⁹.

У самого Бажена острога была куда лучше той, которую он отдал Соколу – многозубчатая. Она тоже была составной, но складывались из двух частей, каждая из которых имела по четыре зуба.

Местами глубина заводи достигала четырех локтей, но длина древков острог позволяла добывать рыбу даже из самых глубоких мест. Обленившиеся за лето жирные лини бестолково перемещались по дну, когда острога впивалась в тело очередной рыбины, но отплывали недалеко. Главным было держаться так, чтобы солнце светило спереди, тогда тень от лодки и человеческих фигур не пугала линей.

Вскоре живое серебро и золото закрыло дно лодки, она сильно отяжелела, и Сокол сказал: – Хватит! Всю рыбу не заберешь.

– И то верно... – не без сожаления ответил Бажен, который все еще горел рыбацким азартом; он глянул на небо и продолжил: – А пора и отобедать. Ты не против?

– Спрашиваешь! Голоден, как волк.

Костерок разложили прямо на берегу заводи. Для того, чтобы набрать сухих дров, пришлось лезть на обрыв, но в этом деле Сокол, цепкий и быстрый, как белка, был куда лучше друга, поэтому Бажену пришлось заниматься рыбой, а ему досталось сомнительное удовольствие лазать по скалам, где малейшая оплошность могла стоить Соколу сломанной руки или ноги.

Вскоре они уже наслаждались вкусным белым мясом линей и непринужденно болтали о всякой всячине, наслаждаясь уединением, полной свободой и тихой прелестью теплого осеннего дня.

– Скоро к нам русы нагрянут, – вдруг ни с того ни с сего сказал Бажен.

Сокол нахмурился. Русы были суровыми, яростными и умелыми воинами. Чтибор рассказывал, что они приучали своих детей к мечу буквально с первых дней жизни. В колыбель только что родившегося ребенка отец клал меч и говорил: «Я не оставляю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что ты приобретешь этим мечом».

Русы считались защитниками всех приднепровских славян. Но лучше бы они оставили их в покое. Русы были жестоки и не испытывали к своим «подопечным», с которых вжимали дань, ни милосердия ни сострадания.

²⁹ Пядь – древнерусская мера длины, равная расстоянию между растянутыми большим и указательным пальцами.

Полюдые русов было куда страшней хазарского. Если со сборщиками дани кагана Хазарии в голодные годы еще можно было договориться о снисхождении, пообещав рассчитаться сполна на следующий год, то русов не трогали ни просьбы, ни мольба. Им вынь то, что они требовали, да положь. А в случае неповиновения наказание за недоимку было страшным.

Русы проживали на собственной территории. Это был огромный остров, который они называли Русия. Они не утруждали себя земледелием, скотоводством или ремесленной деятельностью, отдавая предпочтение войне и торговле военной добычей.

Старому Чтибору довелось побывать на острове русов, и он рассказывал, что территория Руси покрыта лесом и очень обширна. На острове находились не только поселения, но и хорошо укрепленные города. А уж людей в них было – не счесть.

Владели русы и другими землями, где-то далеко. А всеми ими управлял вождь – главный хакан. Но где он находился, было великой тайной.

– Заплатить у нас есть чем, – буркнул Сокол. – Охота в этом году задалась. Куньего меха полно.

– Так-то оно так, да вот беда – кто знает, что русам в голову взбредет?

– Это ты о чем?

– Отец говорил, что по реке пошел слух, будто русы начали брать к себе в обучение отроков...

– А! – досадливо отмахнулся Сокол. – Похоже, все это не более чем досужий вымысел. Но даже если это правда, то что тут плохого? Хорошие воины всем нужны. А уж пройти обучение у русов – это прямой путь в дружину кнеза. Попасть в нее мечтают многие.

– Но вся беда в том, что отроки не вертаются домой, – рассудительно сказал Бажень. – Они должны какое-то время послужить хакану русов, тем самым оплатив за свое обучение. А так как русы постоянно с кем-нибудь воюют, то шанс возвратиться домой у повзрослевшего отрока совсем мизерный.

Сокол промолчал. Новость, конечно, была интересной, однако до приезда русов еще оставалось некоторое время (обычно они старались собрать дань до осеннего ненастья, когда в Приднепровье буйствовали сильные ветры), так зачем забивать себе голову разными сплетнями? Не лучше ли заняться потрошением линеи, чтобы не возиться с ними дома?

Он так и сказал Бажень. Друг немного поколебался, все еще желая продолжить интересный разговор, но Сокол почему-то замкнулся (иногда на него находило такое настроение), и он тоже принялся за дело.

Глава 5. Бойники

Сокол с неподдельным интересом наблюдал, как кузнец Будивой добывает для своих нужд железную руду.

Мальчик наткнулся на него случайно. К осени в лесах появилось огромное количество боровой дичи – глухарей, тетеревов и рябчиков, и Сокол, великолепный стрелок из лука, не преминул возможностью пополнить запас продуктов на зиму. Дедко солил, коптил, а затем вялил птичьи тушки, но в небольшом количестве – мясо быстро портилось, даже приготовленное таким сложным и долгим способом.

Однако у Чтибора был особый секрет длительного хранения боровой дичи, который даже умудренные древним опытом волхвы хотели у него выведать, но старый кобник не поддавался ни на какие уговоры – что мое, то мое, извините, и на этом разговор прекращался. Такая неговорчивость старика зиждилась на том, что удивительный продукт, приготовленный Чтибором, служил для их маленькой семьи весомым подспорьем в меновой торговле. О нем были наслышаны даже заморские купцы, а уж про своих и говорить нечего.

Особенно ценен он был для дружинников кнеза, которые нередко уходили в дальние походы. Одной плитки этого удивительного продукта, когда невозможно было добыть иной еды, хватало на весь день.

Вяленую боровую дичь старый кобник сушил до каменной твердости, затем растирал в порошок, замешивал его на меду, добавлял измельченных, хорошо высушенных лесных ягод, обладавших целебными свойствами, а также некоторые травы, восстанавливающие силу, все это замешивал на барсучьем жиру, формовал в плитки и на два дня оставлял под навесом – чтобы ценный продукт «заветрился». Свежий осенний ветер, утверждал Чтибор, способствовал длительной сохранности плиток.

Сокол уже уполевал трех глухарей и тетерку, но красавец-самец, который попался ему на глаза, когда мальчик наконец вышел на звериную тропу (по ней он намеревался добраться до соснового бора, где идти значительно легче), поразил его до глубины души. Птица была просто великолепной, как по своему немалому размеру, а значит, и весу, так и по внешнему виду.

Черная голова и шея глухаря были с зеленоватым отливом, на спине отчетливо виднелись серые, бурые и красноватые пятнышки, зоб цвета воронова крыла отсвечивал металлическим блеском, зеленовато-сизые перья на груди гармонировали с ярко-коричневыми крыльями, а уж пышный черный с белыми пятнами хвост и вовсе был выше всяких похвал. Чтибор в своих гаданиях нередко применял перья из хвоста глухаря, но таких красивых Соколу еще не доводилось видеть.

«Пусть дедко порадует...» – мельком подумал мальчик, наложил стрелу на тетиву и прицелился.

Но выстрелить не успел. Где-то неподалеку раздалось звучное «Ух!», что-то плеснуло, глухарь с шумом вспорхнул и скрылся в чаще. Сокол сплюнул в досаде и осторожно пошел в сторону непонятного шума, держа лук наизготовку.

Он еле продрался через кусты к источнику непонятного звука, и только когда увидел воду, понял, что впереди находится Русалочье озеро. Только он подошел к нему с другой стороны.

Озеро пользовалось дурной славой. Лет пятьдесят назад в нем во время купания утонули несколько девушек. Их подруги, которые находились на берегу, потом рассказывали, что озеро вдруг вздыбилось, посреди него образовался высокий бурлящий горб, затем он исчез, и на его месте появилась воронка, в которую и утащило всех купальщиц.

Вода в озере нагревалась гораздо раньше, нежели в Днепре и других водоемах (уж непонятно, почему), поэтому соблазн искупаться, едва появлялась первая трава, всегда был велик

у жителей поселения, особенно у молодежи. Да только после трагедии с девушками волхвы строго-настрого запретили даже приближаться к заколдованному озеру. Тем более, что в лунные ночи утопленницы выходили на берег и устраивали свои русалочьи игры. Тем не менее в озере кто-то копошился. Оно было мелководным – большей частью по грудь человеку – и вода в нем местами казалась тронутая ржавчиной. Но была она чистой и прозрачной.

Сокол присмотрелся – и облегченно вздохнул. В озере ковырялся кузнец Будивой. Узнав его, мальчик ничуть не удивился тому, что кузнец пренебрег запретами волхвов. А что ему сделается, ежели ему в работе помогают даже бесы? К тому же кузнецы в чести у богов.

Это ведь бог-кузнец Сварог научил людей ковать железо. Да и бог-громовик Перун не чурался кузнечного ремесла – собственноручно ковал свои стрелы-молнии, да с таким азартом, что гром его молота разносился далеко по земле.

Будивой добывал в озере железную руду, это Сокол понял сразу. Найти руду в землях полян было не труднее, чем гончарную глину. Да вот только нужно знать места, где ее много. Видимо, в Русалочьем озере руда была особо хорошей, потому что вещи, которые ковал Будивой, отличались отменным качеством.

Другие кузнецы пытались выведать у него, где он ее добывает, да только нелюдимый лохматый Будивой, смахивающий на лешего, отмалчивался, не желая выдавать эту тайну собратьям по ремеслу.

Похоже, Сокол нечаянно раскрыл секрет кузнеца и теперь не знал, что ему делать: возвращаться назад не хотелось, он уже изрядно устал, плутая по чащобе, а идти по берегу озера побаивался, так как Будивой мог его заметить. В замешательстве он притаился в кустарнике и невольно стал свидетелем занимательного зрелища – добычи железной руды.

Сокол уже знал, что болотная руда чаще всего залегает в земле тонкими слоями, но иногда выходит на поверхность в обрывистых берегах рек или озер. Однако чаще всего она таилась на дне болот и озер.

Будивой разделся догола и, войдя в воду по пояс, прощупывал дно острым железным рожном. Найдя рудную залежь, он брал в руки черпак на длинной рукояти, вычерпывал плотные тяжелые комья красно-рыжего оттенка и нагружал ими плотик. Обычно кузнецы копали руду в конце лета и начале осени, два месяца сушили, затем обжигали на кострах и по санному пути доставляли к месту выплавки, которое находилось неподалеку от поселения.

Некоторые зажиточные поляне даже строили себе погреба и фундаменты жилищ из болотной руды плохого качества – той, которая была не нужна кузнецам. Большие камни обрабатывали зубилами и железными секачами, переделывая их в бруски, затем накладывали друг на друга и скрепляли глиной. Болотная руда была очень прочным и долговечным материалом.

Сокол присмотрелся и увидел на противоположном берегу ржавые кучки. Похоже, Будивой ушел из поселения с утра пораньше, до рассвета, чтобы его никто не видел. И уже успел сделать солидный запас ценной руды.

«Нужно возвращаться. Не хочется, конечно, но что делать?» – печально подумал Сокол и начал осторожно отползать назад, как вдруг раздался низкий басовитый голос Будивоя:

– А кто там прячется на берегу? Покажись, иначе стрельну!

Сокол глянул на озеро и обомлел – кузнец держал в руках большой мощный лук, и длинная тяжелая стрела, которая могла пронзить насквозь даже лошадь, была нацелена точно в его сторону. Видимо, лук находился на плотике; Будивой всегда отличался большой осторожностью и недоверчивостью.

Мальчик знал, что кузнец – отменный стрелок, а значит, ему несдобровать. Стрела куда быстрее человека. И укрыться от выстрела негде – поблизости нет ни одного дерева с толстым стволом.

С виноватым видом, словно он сделал что-то нехорошее, Сокол выбрался на берег и оказался под прицелом острых глаз кузнеца. Конечно же, тот сразу узнал мальчика. После того

как Сокол принес в поселение шкуру волкодлака, он сделался местной знаменитостью. Даже волхвы стали относиться к нему с некоторым почтением, несмотря на его малый возраст. И то верно: не может отрок, пусть и внук всеми уважаемого кобника Чтибора, быть обычным человеком. Встретиться с волкодлаком и остаться в живых не каждому дано. Значит, Сокол отмечен большой милостью богов.

– И что ты здесь делаешь? – после небольшой паузы строго спросил Будивой.

– Я нечаянно... Был на ловах... и вышел к озеру.

– Понятно. И как ловы, удачны ли?

– Вот... – Сокол показал кузнецу свою добычу.

– Знато... – Будивой прищелкнул языком – похоже, от восхищения.

Сокол вдруг расхрабрился – неизвестно отчего. Он уже понял, что кузнец не злится на него, поэтому решил сделать ему подарок. Достав из сумки одного глухаря, Сокол положил его у ног кузнеца, который тем временем вылез на берег и облачился в длинную полотняную рубаху. Она была закопчена и вся светилась от прожогов.

– Это тебе на обед... – потупившись, сказал мальчик.

– Ну, одному мне целого глухаря не съесть. Ты небось тоже проголодался?

– Есть немного... – признался Сокол.

– Вот и добро. Испечем твою добычу и потрапезничаем вместе. Ты не против?

– Нет! – поторопился ответить мальчик.

– Тогда выпотроши птицу – только перья оставь! А я пока управлюсь со своими заботами.

Спустя недолгое время на берегу уже горел костер, а кузнец тщательно обмазывал толстым слоем глины выпотрошенную птичью тушку.

Сокол внимательно наблюдал за его действиями. Он знал этот древний способ готовки пернатой добычи, но никогда прежде им не пользовался – не было надобности.

Главным было отыскать подходящую глину. Она не должна была рассыпаться сразу после высыхания. Для этого обычно катали шарики и бросали их на угли – для пробы. Если шарики только трескались, значит, глина подходящая. Но за это можно было не беспокоиться – уж кто-кто, а кузнец хорошо знал, где найти нужную глину.

Пока Сокол таскал дрова для костра, он сходил куда-то в лесок и принес корзину красной глины. Из нее получалась отличная посуда, и Сокол отметил про себя, что гончары поселения понятия не имеют, какое сокровище находится неподалеку от их мастерских. Им приходилось ездить за этой глиной далеко, что было отнюдь небезопасно.

Но Будивой ревниво охранял свои секреты, что, конечно же, не делало ему чести. Однако таким уж он был человеком...

Сначала кузнец отрезал у глухаря голову, почти не оставив шеи, и удалил крылья вместе с хвостом. Мясa на крыльях было немного, а из-за перьев птица готовится долго и может подгореть в некоторых местах. Затем Будивой натер солью глухаря изнутри, набил тушку пряными травами (благо найти их возле озера не составило труда) и зашил ее тонким и гибким прутиком из лозы.

Когда костер прогорел, кузнец закопал тушку в горящие уголья и развел сверху маленький костерок – чтобы угли не затухли, ведь увесистая тушка глухаря будет долго доходить до полной готовности. Все эти процедуры проходили при полном молчании. Сокол не знал, о чем можно поговорить с Будивоем, а тот был чересчур увлечен своим занятием.

Сделав дело, он так же молча удалился, чтобы разложить добытую руду для сушки. Оказывается, в зарослях он построил просторный шалаш с непромокаемой крышей и открытыми боками – чтобы ветер гулял внутри его сушилки.

Вернулся Будивой к костру как раз вовремя. Вытащив из угольев глиняную болванку, которая скрывала тушку глухаря, он сначала дал ей немного остыть (у Сокола во время ожидания даже слюнки потекли, потому как запах печеного мяса пробивался через трещины

в обмазке), а затем очистил мясо от спекшейся глины. Перья ушли вместе с глиняной обмазкой, и на листьях лопуха – импровизированном столе – осталось только хорошо пропеченное ароматное мясо.

– Налетай! – сказал кузнец и оторвал себе ножку. – Уж извини, соли больше нет. Посыпь мясо золой для лучшего вкуса.

Сокол так и сделал. Он был привычен к золе. На ловах Сокол сам не раз так делал. Этому научил его дедко.

Соль в поселении ценилась очень высоко, ее было мало, поэтому люди сдабривали жаркое соленоватой на вкус древесной золой. У любой хозяйки всегда под рукой был горшок с густой и вязкой жидкостью, которую они делали из золы.

Горшок до половины наполнялся просеянной золой, затем в него наливали воду и некоторое время кипятили. После этого воду отцеживали, а полученный осадок выпаривали, пока он не сгущался и не становился как осенний мед. Только жидкость эта была не сладкой, а соленой и с успехом заменяла дорогую привозную соль.

– Поди, страшно было? – вдруг спросил кузнец, обжигая Сокола своими черными глазницами.

Он и сам был не только лохмат, но и черен, как галка. Будивой был пришлый. Какого он роду-племени, знали немногие. Дедко говорил, что кузнец – гречин, да только в это мало верилось. Что он забыл в лесных дебрях Приднепровья?

Впрочем, какого он роду-племени, людям было безразлично. Главное, Будивой был превосходным мастером своего дела. Выкованные им мечи обладали великолепными качествами и ценились наравне с мечами варягов. Их клинки были узорчатыми и долго не тупились.

Сокол понял смысл вопроса; кузнеца интересовала его встреча с волкодлаком.

– Угу, – признался мальчик. – Но только потом, когда залез на дерево. До этого я почти ничего не сообщал.

– Честный ответ... – Впервые на темном, словно обожженном в горне, лице кузнеца появилась улыбка. – Пожалуй, и я бы в такой момент отпраздновал труса.

– Жаль, что я посеял лук, когда карабкался на дерево, – словно оправдываясь, сказал Сокол. – Я бы этого оборотня...

– Ну-ну, не храбрись. После боя руками не машут. Это первое. А второе, волкодлака не так легко убить. Пока ты достанешь его стрелой, он успеет разорвать тебя на части пять раз.

– Посмотрим! – резко ответил мальчик. – Пусть только еще раз попадется мне какой-нибудь оборотень!

Сказал – и похолодел. Они сидели у самой кромки воды, напротив друг друга. Позади Будивоя высились заросли лозняка, и Сокол увидел, как оттуда на них таращится страшная бородатая физиономия с огромными совиными глазами. Чужак глядел на них злобно, с ненавистью; у него явно были недобрые замыслы.

Сокол сразу понял, кто этот человек. В последние два-три года в лесных угодьях полян завелись бойники³⁰. Где они скрывались, не могли выяснить даже самые опытные следопыты рода. Бойники не только распугивали дичь, но еще и шалили на Днепре, нападая на рыбаков и купцов, у которых не было воинской охраны.

Бойники собирались в братства и поклонялись Волку. В свои сообщества они принимали всех, кто по желанию или вынужденно отрывался от общины: изгоев, «храбров»-одиночек и прочее отребье. Выходя на разбойный промысел, бойники наряжались в волчьи шкуры. Их кровавые обряды были пугающими; они считали себя волкодлаками.

³⁰ Бойник – разбойник.

У бойников был обязательный ритуал облагораживания оружия – убийство первого встречного при приеме нового члена в братство. Они приносили на алтарь Волка человеческие жертвы и поедали печень и сердце человека, тем самым забирая себе его храбрость и силу.

Похоже, в кустарнике притаился бойник; и возможно, не один.

Сокол принял решение незамедлительно. Чужакам нечего делать в землях полян! Лук, который лежал рядом с ним, словно сам прыгнул ему в руки, и стрела понеслась в цель. С такого небольшого расстояния трудно было промахнуться, о чем свидетельствовал яростный вопль, вырвавшийся из многих глоток. Страшная физиономия исчезла, но ей на смену из кустов вывалился добрый десяток бойников, горевших мстостью.

Кряжистый кузнец подхватился на ноги с юношеской прытью. Сокол даже не заметил, как у Будивой оказался в руках увесистый ослоп³¹, окованный железом, утолщенный конец которого был утыкан шипами. Видимо, грозное оружие было припрятано под травяной подстилкой, на которой сидел кузнец.

Пока бойники добежали до них, Сокол успел выпустить еще две стрелы. И они нашли свои цели. Мальчик отрешился от всего земного и действовал совершенно хладнокровно, словно бывалый воин. А затем в схватку вступил Будивой. Он был страшен. Его глаза горели огнем, а ослоп вращался с такой скоростью, что едва был виден. Вскоре три бойника легли у его ног, а остальные в страхе отступили. Их топоры оказались бессильными против длинной дубины, окованной железом.

Пока Будивой сражался, Сокол держался за его спиной. Он был всего лишь отроком, и для зрелых вооруженных мужчин не составляло особого труда расправиться с ним. Один из бойников все же прорвался через защиту кузнеца и замахнулся на Сокола боевым топором, но мальчик не сплеховал.

Мигом нагнувшись, он схватил горсть песка и бросил его в глаза бойнику. Мелкий, как мука, песок сделал свое дело – на какое-то мгновение бойник ослеп. Будивой вполне хватило времени для того, чтобы нанести сокрушительный удар. Раздался хруст сломанных костей и бойник лег рядом с товарищами.

Все решилось, когда Будивой наконец добрался до своего лука. Завидев такое дело, напуганные бойники поторопились бежать. Некоторое время слышался треск сломанных веток, – они продирались через кустарник напролом – а затем на берегу озера воцарилась относительная тишина, прерываемая лишь стоном двух раненных стрелами Сокола грабителей; первому бойнику, который таился в кустарнике, стрела мальчика попала точно в сердце. Будивой подошел к ним и совершенно хладнокровно прекратил их страдания, размозжив головы своим страшным ослопом.

Сокол в этот момент отвернулся. Ему почему-то стало жаль бойников. Некоторые из них, насколько ему было известно, стали грабителями не по своей доброй воле, а в силу сложившихся обстоятельств. Изгоем в племени мог стать любой, чаще всего по навету недоброжелателей. И если главный волхв не желал вступить за бедолагу, ему не оставалось ничего иного, как уйти в леса на вольный промысел.

Будивой некоторое время прислушивался, а затем деловито сказал:

– Нужно закопать эту падаль, – и указал на тела поверженных бойников. – Поможешь?

– А то как же!

С ямой управились быстро. У кузнеца были поистине богатырская сила и выносливость. Но и Сокол внес свою лепту при рытье могилы – он ровненько подчистил ее стенки. Покончив с похоронами, Будивой несколько буднично сказал:

³¹ Ослоп – грубая деревянная палица (дубина) большого размера и веса с утолщенным концом, окованным железом или утыканным железными стержнями. Название происходит от древнерусского «ослопъ», означавшее дубину, палку...

– А ты молодец. Выходит на то, что ты спас меня. Будешь великим воином. Но воин без меча – это простой пешец³². А ты ведь хочешь быть дружинником кнеза?

– Да!

– Тогда без меча тебе никак. Будет тебе меч. Обещаю!

Сокол не поверил своим ушам. Цены мечей ему были хорошо известны, но получить белое³³ оружие от самого Будивоя – это было что-то. Лучше клинков, чем те, которые выходили из рук кузнеца, невозможно было сыскать во всем Приднепровье. Сокол был настолько ошарашен, что даже не поблагодарил Будивоя.

Впрочем, тому благодарность и не была нужна. Кузнец торопливо оделся, – как обычно, с хмурым, недовольным видом – уже не обращая внимания на мальчика, и они покинули берег озера.

³² Пешец – пехотинец без защитного снаряжения, вооруженный луком, копьем, дротиками, пращей, топором (в зависимости от его финансового состояния).

³³ Белое оружие – название холодного оружия на Руси до XIX в.

Глава 6. Полюдые русов

Сокол стряпал свою любимую кулагу. Дедко с утра пораньше ушел в лес искать какие-то особые корешки, которые входили в силу только осенью. Из них он готовил настойки, пользующиеся особым почетом у семейных мужчин. И, как обычно, насчет еды в жилище старого кобника было шаром покати.

Чтибор не считал нужным придавать большое значение такому столь низменному вопросу бытия. Сам он ел, как его любимые птички, – клевал по зернышку. Чтибор и Сокола приучил к воздержанию в еде.

Но молодой растущий организм требовал своего, и Сокол даже был рад, что дедко отсутствовал. Хорошо, что в их скромной обители всегда имелись ржаной солод и ржаная мука, ну а нарвать калины, чтобы сдобрить кулагу, не представляло никаких трудностей – только выйди за ворота; неподалеку от поселения находился целый калиновый гай.

Сокол еще с вечера развел солод кипятком, дал ему хорошо настояться, затем подсыпал в горшок вдвое большее количество ржаной муки, замесил тесто и дал ему немного остыть. После этого он заквасил тесто ржаной хлебной коркой и, когда оно к утру закисло, поставил кулагу в печь, которая еще хранила тепло – вечера уже были прохладными, и на ночь пришлось разжечь в печи огонь. Горшок с кулагой он плотно закрыл крышкой и обмазал ее края тестом.

Обычно кулагу дополнительно не сластили – прихваченная первыми морозцами калина и так была сладкой. Но Сокол не удержался и добавил в тесто немного меда.

Процесс приготовления лакомого блюда был довольно длительным, а мальчик здорово проголодался, поэтому в ожидании, пока кулага будет готова, он достал из своих охотничьих запасов кусочек вяленой оленины, вышел наружу, сел на толстый чурбан и принялся жевать тугое мясо, с интересом наблюдая за событиями в поселении.

Неподалеку от жилища Чтибора старенький подслеповатый Мезеня трудился над большим ковшом для кнеза (это Сокол уже успел выяснить). Материалом для ковша послужил дубовый кап с красивым рисунком. Ковш сильно смахивал на лодью русов – плоское дно и заостренный нос, напоминающий шею лебедя.

Мезеня был великим мастером. Его ковши и братины благодаря прочности капа имели стенки толщиной с ореховую скорлупу. Ковш для кнеза уже был покрыт тонкой красивой резьбой, и теперь Мезеня вставлял его в серебряную оправу, тихо постукивая крохотным молоточком: тюк-тюк, тик-тик...

Чуть поодаль находилась гончарная мастерская хромого Дичко. В свое время ему пришлось немало повоевать в дружине кнеза, но затем увечье приковало его к табурету, на котором он сживал с раннего утра и до вечера. И как-то так получилось, что у Дичко оказались золотые руки, приспособленные к гончарному делу. Сначала он делал простые вещи: свистульки, солонки, канопки³⁴, плошки, но затем вошел во вкус, и спустя какое-то время его посуду стали брать нарасхват – уж больно она была красива.

Особенно хорошо выходили у него огромные корчаги³⁵, которые Дичко покрывал замысловатыми узорами. А уж кувшины и латки – маленькие сковородки с крышкой – любая хозяйка поселения считала за честь иметь в своем жилище. Дичко делал их с большой выдумкой, не

³⁴ Канопка – посуда наподобие современной кружки.

³⁵ Корчага – огромный сосуд, сделанный из глины. Функций у корчаги было много. В ней разогревали воду, варили пиво и квас, брагу, и даже кипятили одежду. По форме корчага напоминала горшок или кувшин, с обязательной ручкой. У корчаги для варки пива, хранения кваса или воды имелось отверстие, закрываемое пробкой. Объем корчаги мог быть различным – от 6 до 24 л.

похожие друг на друга, и каждое его новое изделие обычно становилось предметом длительных обсуждений. А ведь известно, что женщин хлебом не корми, но дай поболтать всласть.

Неожиданно раздался звонкий голос кузнечного молота, который нарушил тишину предобеденной поры; Сокол даже вздрогнул. Казалось, что кузница находилась совсем рядом, но это было не так. Чтобы сильно не беспокоить жителей поселения грохотом железа, Будивой построил свою мастерскую за пределами ограды. Но все равно, когда он входил в трудовой раж, его большой молот и маленькие молоточки могли гроыхать сутки, не давая спать младенцам и старикам.

После памятного сражения с бойниками слава Сокола достигла небывалых вершин. Обычно немногословный, Будивой разговорился (наверное, после сильных переживаний) и преподнес схватку с изгоями как эпическое сражение, в котором Сокол сыграл едва не главную роль. Волхвы в один голос заявили, что отрок явно пользуется покровительством самого Перуна – покровителя воинов, и прочили ему большое будущее. Сверстники теперь ходили за ним, как привязанные, единогласно признав его своим вожаком.

Все это не очень нравилось Соколу. Неожиданно свалившаяся на него популярность тяготила мальчика, который привык держаться несколько в стороне от детских забав под влиянием Чтибора, тайно обучавшего внука разным колдовским премудростям, предполагавшим отрешенность от всего земного. Поэтому он старался почаще уходить в лес на ловы. Но сегодня Сокол остался дома, чтобы приготовить хоть какую-то еду. Дедко вернется голодным, а он ведь уже старенький, и ему нужны силы. На отварах травок долго не протянешь, это Сокол точно знал. Поэтому кроме кулаги он почистил несколько больших рыбин, чтобы поджарить их на сковородке по возвращению Чтибора.

Рыбу принес Бажен, рыбачивший с отцом на зорьке. Улов, как обычно, был богатым, и Бажен щедро поделился с другом.

Из головы у Сокола не выходило обещание Будивоя отковать ему меч. Он не знал – верить ему обещанию кузнеца, или тот дал его под влиянием победы над бойниками. Зайти в кузницу мальчик не решался – Будивой не любил посторонних, особенно мальчишек, которые совали свои длинные носы куда не следует. А как долго будет продолжаться процессковки меча, он не знал.

– Эй, Сокол, тебя зовут! – вдруг раздался едва не над ухом звонкий мальчишеский голос.

Сокол резко обернулся и увидел сына кнеза, которого звали Яролад. Его имя было несколько необычным для полян; Доброгаст назвал первенца в честь своего побратима-руса. Яролад почему-то всегда относился к Соколу с ревностью, а в связи с последними событиями и вовсе начал тайно ненавидеть.

До сражения с бойниками именно Яролад верховодил отроками; его власть признавали и более старшие мальчики. Но все изменилось в одночасье, и сын кнеза вдруг оказался на вторых ролях. От этого он гневился, постоянно задира Сокола, но тот не велся на провокации, понимая, что стычка с Яроладом до добра не доведет. Доброгаст тщательно оберегал не только свой авторитет среди членов рода, но и старался, чтобы сын унаследовал от него все качества, необходимые вождю.

Яролад получил меч уже в двенадцать лет – когда волхвы совершали над ним обряд посвящения. Чтобы обучить сына владеть белым оружием, Радогаст нанял одного из лучших мечников-русов. И нужно сказать, Яролад преуспел в этом нелегком деле. Мальчики поселения упражнялись на деревянных мечах и палках, зарабатывая синяки и ссадины, а сын кнеза бился настоящим оружием и часто с горделивым видом показывал царапины, которые время от времени наносил его учитель-рус, тем самым подчеркивая, что он уже почти взрослый воин и стоит на голову выше своих сверстников. Конечно, царапины были случайными, но от этого их ценность не становилась меньшей.

– Кто? – осторожно спросил Сокол, не спуская настороженных глаз с Яролада.

Не исключено, что сын кнеза в очередной раз придумал какой-нибудь злой розыгрыш, чтобы унижить Сокола.

– Кузнец, Будивой.

– Не врешь?

– Чего ради? – удивился Яролад. – Ты же сам знаешь, что с Будивоем шутки плохи. Не посмотри, что я сын кнеза...

Сокол согласно кивнул – все верно. Будивой был суров со всеми. Он мог отстегать вицей³⁶ даже Яролада. И ничего ему за это не было бы. Будивой все побаивались из-за его ремесла, от которого пахло колдовством.

Рождение звонкого металла из бурых камней было сродни чуду. К тому же вещи, выходявшие из-под молота кузнеца, были просто превосходными. Терять такого выдающегося мастера Доброгаст не рискнет, ведь обиженный Будивой может запросто уйти в другой род. Вольного человека не остановишь. Тем более, что он не привязан к поселению кровными узами.

Быстро подхватившись на ноги, Сокол помчался сломя голову в кузнечную мастерскую. Внутри нее приятно пахло горьковатым древесным дымом и металлической окалиной, а жаркое пламя горна завораживало. Будивой что-то ковал, и в полутьме кузницы его угрюмое лицо, освещенное красными языками пламени, казалось ликом демонического божества.

Сокол остановился на пороге мастерской, не решаясь заговорить первым – процессковки нельзя прерывать. Это он точно знал. Наконец Будивой закончил работу и сунул длинную полоску разогретого докрасна металла в бочку с водой. В бочке зашипело, словно там находился клубок рассерженных змей, над ней поднялось облако пара, и кузнец, довольно крикнув, сказал:

– Что стоишь, словно засватанная красная девица? Ты у меня желанный гость. Проходи. Туда...

Он указал на дальний конец кузницы, где возле крохотного оконца находились стол и два колченогих табурета. Сокол молча повиновался. Будивой подошел к столу, взял сверток, развернул грубую холстину, и перед взором мальчика появился редкой красоты меч.

– Держи обещанное, – буднично сказал кузнец и, держа меч в обеих руках, передал его Соколу.

Мальчик принял дар кузнеца с огромным волнением. Он – обладатель меча! Это возвышало его не только над сверстниками, но и вообще над многими юношами из поселения.

Сокол с благоговением принялся рассматривать богатый дар Будивоя. И сильно удивился – меч был сработан, конечно же, на совесть, но из какого-то странного голубоватого железа. Мало того, по всему клинку шли диковинные узоры. Кузнец понял его состояние и буднично сказал:

– Этот меч я сделал из небесного металла. Нашел в Ведьмино болоте. Дай-ка его мне...

Будивой взял в руки меч, коротко размахнулся и, к ужасу Сокола, рубанул им по железному бруску, который распался на две половинки.

– Гляди, – довольно осклабившись, сказал кузнец, показывая Соколу лезвие меча. – Ни единой зазубрины! Супротив этого клинка не устоят даже мечи варягов. – Тут он снова принял свой обычный мрачный вид и продолжил: – Ну, а ножны ты уж сам сделаешь. Мне недосуг...

Мальчик не шел домой, а летел – как та птица, от которой он получил свое имя. Меч был завернут в кусок холстины – дабы чей-нибудь недобрый взгляд не сглазил столь ценный подарок кузнеца. Ему предстояла сложная, но приятная задача – изготовить ножны. Для этого у Чтибора был запас материалов, и Сокол знал, где он хранится. Старый кобник будто предвидел, что у его внука будет меч, и припас все необходимое для богатых ножен.

³⁶ Вица – крученая, иногда свитая в два и три прута хворостина, для связки, скрутки, скрепы.

Первым делом Сокол начал делать основу для ножен. Он взял две высушенные до звонкости тонкие дощечки, сделанные из древесины старого ясеня, и подогнал их под размер меча, вырезал стамеской углубление для клинка. После этого он отшлифовал углубление мелким песком и старательно стер оставшиеся песчинки, чтобы они впоследствии не царапали клинок меча.

Затем Сокол покрыл углубление прочным рыбьим клеем – чтобы сталь не истирала внутреннюю поверхность ножен и чтобы ничто не задерживало меч, когда нужно будет обнажить его как можно быстрее. Подождав, пока клей немного подсохнет, он склеил обе половинки заготовки, обвязал их тонкой бечевой и повесил над печкой сушиться.

Сокол едва дождался, пока клей сделает свое дело. Он был уникальным, сделанным по тайному рецепту Чтибора. Клей очень быстро сох, не гнивал, не покрывался плесенью и обладал чрезвычайной прочностью.

Но мальчик не сидел сложа руки. Сокол начал подгонять бронзовый наконечник для будущих ножен. Видимо, он оказался среди трофеев дружины кнзя, и при распределении воинской добычи за ненадобностью его отдали старому кобнику.

Наконечник был очень красив, а главное – на нем неведомый мастер искусно отчеканил падающего с небес сокола, который атаковал свою жертву. Похоже, дедко взял себе наконечник именно из-за этого изображения. Да и отдали его Чтибору только потому, что на нем была изображена эта птица.

Ножны, для которых предназначался наконечник, были несколько уже, и Сокол, изготовив дубовый клин, начал осторожно вбивать его в устье предварительно нагретого на сковороде наконечника. Добившись нужного размера, он начал шлифовать поверхность деревянной заготовки, чтобы мельчайшие неровности не выступили на коже, которой будут обтянуты ножны.

Перед тем как покрыть кожей деревянный каркас ножен, Сокол установил шнурки – под перевязь, чтобы она не слетала. Он обмотал их вокруг заготовки и закрепил клеем. А затем намочил в солевом растворе кусок хорошо вычиненной дубленой кожи, предварительно проколов отверстия под сшивку, и начал стягивать его края воцеленной льняной нитью двумя иглами. Закончив обтяжку, он обметал нитью и кожаное устье ножен. Обычно его делали металлическим, но Соколу не хотелось, чтобы при извлечении меча раздавался лязг.

Ему оставалось сделать ремни перевязи, когда в жилище спустился по лесенке дедко. В руках у него была корзина, доверху наполненная корешками. Увидев на столе меч, старый кобник невольно ахнул. Как раз в этот момент солнечный луч проник через небольшое оконце и осветил клинок, который неожиданно заискрился, заиграл разными цветами.

– Откуда это чудо?! – удивленно спросил старик.

– Подарок кузнеца, – важно ответил Сокол.

Он уже говорил Чтибору о намерении Будивоя подарить ему меч, но, похоже, старик пропустил его слова мимо ушей. А может, не поверил.

Чтибор взял в руки меч, махнул им, и в жилище раздался тихий свист.

– Знатный подарок... – Чтибор с уважительной осторожностью положил меч на стол. – Но лучше бы кузнец этого не делал.

– Почему?!

– А потому, что сбывается пророчество... – Старик нахмурился и тяжело вздохнул.

– О чем ты, дедко?! Какое пророчество?

– Теперь уже можно сказать... При твоём рождении по Днепру пронёсся страшный огненный вихрь. Такого чуда даже никому из самых древних стариков видеть не приходилось. И тогда ведунья Жива стала как безумная и начала вещать, что день, когда ты получишь меч, станет для тебя роковым. Подхваченный вихрем судьбы, ты унесёшься в дальние края, где ждут тебя трудные испытания и слава великая.

– Дедко, я не собираюсь тебя бросать! Что мне делать в чужих краях? Здесь я родился и здесь буду жить всегда.

– Ах, Сокол... – Чтибор сокрушенно покачал седой головой. – Человек не может противиться воле богов. Он песчинка в их ладонях. А старая Жива никогда не ошибается. Боги наделили ее великим даром доносить до людей их волю.

– Жива...

Сокол невольно вздрогнул, вспомнив уродливую старуху. Она была горбатая и ходила, опираясь на клюку. Ее длинные седые патлы всегда были растрепаны, а взгляд имел какое-то дикое выражение.

Жива ходила, никого не замечая, и народ при виде ведуньи торопился уступить ей дорогу, а то и сбежать куда подальше. Все боялись ее пророчеств, которые нередко были страшными. Но самое худое заключалось в том, что они сбывались! Если предсказания других ведуний были туманными и почти всегда благостными, то Жива была предельно конкретна и рубила с плеча ужасные вещи, о которых лучше бы и не знать. Да и ведание ее было страшным. Она вдруг ни с того ни с сего падала на землю и, подкатив под лоб безумные глаза, начинала биться в корчах, что-то бессвязно выкрикивая. При этом изо рта у нее шла пена. Это состояние длилось недолго. Спустя небольшой промежуток времени старуха затихала, а затем, кряхтя и скрипя суставами, поднималась, созывала народ и говорила свои пугающие откровения.

У многих женщин поселения был ДАР, но Духовиц, которые могли осуществлять связь между землей и небесами, можно было сосчитать по пальцам. Духовицы ведали большие тайны, неподвластные обычному человеческому разуму. Они были мудры, предсказывали будущее и нередко лечили людей посредством своих магических сил. Но ведовские способности Живы были просто потрясающими.

Дедко занялся своими корешками, а Сокол продолжил заниматься мечом – начал делать перевязь. Ремни у него были – прочные, добротные, из хорошо вычиненной кожи тура. Осталось лишь вырезать их в размер. Конечно, у дружинников кнеза перевязи были богато украшены серебряными заклепками и чеканными фигурками зверей и птиц, но по бедности Сокол мог позволить себе лишь выжигание на коже, что требовало определенной сноровки. Но мальчик уже освоил этот процесс, поэтому дело у него спорилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.